

INSPIRIA

ЖЕНА
СЕРИЙНОГО
УБИЙЦЫ

ЭЛИС ХАНТЕР

INSPIRIA

Ток. Семья серийного убийцы

Элис Хантер

Жена серийного убийцы

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

Хантер Э.

Жена серийного убийцы / Э. Хантер — «Эксмо», 2021 — (Ток. Семья серийного убийцы)

ISBN 978-5-04-184729-6

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР БРИТАНИИ. ЭТО НАСТОЛЬКО ШОКИРУЮЩАЯ ИСТОРИЯ, ЧТО ДОЛЖНА СОПРОВОЖДАТЬСЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕМ. Все говорят, что он – монстр. И что она – знала об этом... Супруги Бет и Том Хардкасл давно вызывают зависть у всей округи – идеальный брак, идеальный дом, идеальная семья. Их двухлетняя дочка – просто прелесть. Они счастливы, и ничто не предвещает беды... Но однажды вечером в их дверь постучалась полиция. Бет в панике: Том уже давно должен был вернуться с работы – что, если он разбился в какой-нибудь автокатастрофе? Она боится самого худшего. Но еще не представляет себе, какое оно – самое худшее... Когда ее мужа обвинили в убийстве, Бет начала подвергать сомнению все, что она знала о нем. С каким же человеком она жила все эти годы на самом деле? Кого любила – монстра?.. «Ошеломительный дебют. Эта книга полностью заслужила того, чтобы стать хитом». – Daily Mail «Двойной финальный твист действительно заслуживает ожидания». – My Weekly «Роман цепляет вас с самого начала и не отпускает до последней страницы». – The Sun «Абсолютно захватывающая и блестящая вводная – насколько хорошо мы знаем близких нам людей...». – Кэтрин Купер

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-184729-6

© Хангер Э., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	7
Бет	7
Глава 2	10
Бет	10
Глава 3	14
Бет	14
Глава 4	16
Том	16
Глава 5	17
Бет	17
Глава 6	19
Бет	19
Глава 7	25
Бет	25
Глава 8	26
Том	26
Глава 9	28
Кэти	29
Том	31
Глава 10	32
Бет	32
Глава 11	34
Том	34
Глава 12	36
Кэти	37
Том	38
Глава 13	39
Бет	39
Глава 14	42
Бет	42
Глава 15	43
Том	43
Глава 16	45
Бет	45
Глава 17	46
Бет	46
Глава 18	47
Бет	47
Глава 19	50
Бет	50
Глава 20	53
Бет	53
Глава 21	55
Бет	55
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Элис Хантер

Жена серийного убийцы

*Кэти Лохнейн – редактору, источнику вдохновения и подруге:
спасибо тебе!*

Alice Hunter

The Serial Killer's Wife

First published in Great Britain by HarperCollins Publishers 2021 under the title THE SERIAL KILLER'S WIFE. Alice Hunter © 2021.

Alice Hunter asserts the moral right to be acknowledged as the author of this work

© Артём Лисочкин, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2023

Глава 1

Бет

Сейчас

Чувствую наполовину облегчение, а наполовину злость, когда слышу настойчивый стук во входную дверь. Поппи только что наконец уgomонилась – после того, как уже три раза подряд заслушала «Вонки-Донки»¹ в моем исполнении. Я уже неоднократно заверила ее, что папа скоро будет дома, чтобы поцеловать ее на ночь. Девятый час, ей уже пару часов как полагается дрыхнуть без задних ног.

– А вот и папа! – восклицает она, и ее аквамашиновые глазки опять широко распахиваются, сна в них как не бывало.

– И, похоже, он решил не заморачиваться с ключом, – ворчу я, поднимаясь с ее кровати диснеевской Принцессы. – Давай опять закрывай глазки, детка, я сейчас его сюда пришло.

Провожу пальцем по ее носику, от переносицы до самого кончика.

Пулей слетаю по лестнице, машинально пригнув голову под низкой ореховой балкой, готовая резко распахнуть дверь и наорать на Тома за опоздание и безответственность. Но при этом хочу и крепко обнять его – он никогда не засиживается на работе допоздна, и я уже успела себя накрутить, что с ним могло случиться что-нибудь плохое. Пыталась убедить себя, что опоздал поезд, или же он застрял в пробке по пути с вокзала в Банбери – когда каждый день вынужден мотаться из Лоуэр-Тью в центр Лондона и обратно, времени на это уходит порядком, – но если дело в этом, то он обязательно позвонил бы предупредить, что задерживается. Том никогда не подвел бы свою маленькую Поппи – он просто обожает слышать ее довольные взвизги, когда изображает всякие мультяшные голоса. Это то, что я определенно так и не освоила, судя по тому, сколько раз она требует от меня «попробовать еще разок», чтобы все звучало как надо.

Отпираю крепкую деревянную дверь и набираю в грудь воздуха, чтобы слегка успокоиться. Не стоит устраивать сцену. Он просто задержался, только и всего. И неважно, что Том разбудит Поппи, – он с радостью уложит ее опять, пока я заново разогреваю ему ужин. «Только не ори на него».

Распахиваю дверь.

– Ты что, не взял ключи? – Этот ворчливый упрек вылетает у меня изо рта даже прежде, чем я успеваю кое-что осознать.

Это не Том.

– О, э-э... Простите, я ожидала... – Слова застревают у меня в горле. Сердце начинает колотиться в груди.

– Добрый вечер. Миссис Хардкасл, насколько я понимаю? – произносит один из мужчин. Они стоят плечом к плечу в узком проходе, загораживая вид снаружи. Не вижу машины, на которой они приехали, но, судя по их костюмам, уверенному виду и по тому, что они знают, как меня зовут, инстинктивно понимаю, что они из полиции.

– Д-да, – запинаясь, отвечаю я.

¹ «Вонки-Донки» (англ. Wonky Donkey – нечто вроде «Шаткий ослик») – изначально песенка в стиле кантри, написанная новозеландцем К. Смитом, а после и популярная книжка для дошколят с иллюстрациями К. Коули. Текст чем-то напоминает абсурдистские детские стихи Д. Хармса. – *Здесь и далее прим. пер.*

Руки и ноги начинают ходить ходуном. Я была права. Том попал в аварию! Хватаюсь за край дверного косяка, крепко зажмуриваюсь. Короткими частыми глотками хватая воздух, жду неизбежного.

– Нам нужно побеседовать с мистером Томасом Хардкаслем, если вы не против. – Тот из мужчин, что выглядит на пятьдесят с небольшим, с седеющими на висках и редющими на макушке волосами, открывает кожаный бумажник и показывает мне значок. – Я детектив-инспектор Мэннинг из Столичной полиции², а это мой коллега из Темз-Вэлли, детектив-сержант Уолтерс.

Его слова пролетают у меня над головой, и волной накатывает облегчение. Если они хотят пообщаться с ним, то явно явились не для того, чтобы сказать мне, что он погиб.

– Его нет дома. Он задержался на работе. Вообще-то я думала, что это он, – отвечаю я, уже получше владея голосом. – А в связи с чем?

Хмурюсь, вдруг заметив, как детектив-инспектор Мэннинг решительно переступает порог моего коттеджа. Второй полицейский, чье имя тут же вылетело у меня из головы, успел отступить от двери и теперь быстро обходит по кругу садик перед домом.

Мэннинг никак не реагирует.

– Может, *и я* смогу чем-то помочь? – Чувствую, как подкрадывается раздражение. Чего им вообще надо?

– Мы все-таки зайдем и подождем его, – говорит он. Поворачивается к своему коллеге, который уже опять стоит рядом с ним, и грубовато приказывает: – Уолтерс, загляните-ка для начала на зады.

На сей раз откладываю фамилию второго в памяти. Пожалуй, остается лишь разрешить им войти и подождать, хотя страшновато впускать двух мужиков в дом, когда я тут совсем одна. Словно ощутив мое беспокойство, детектив-инспектор Мэннинг интересуется, не хочу ли я позвонить в отдел полиции и удостовериться, что они тут официальным порядком. Испускаю нервный смешок, отвечаю, что все нормально, и шире распахиваю дверь.

Слышу, как Поппи зовет меня из своей спальни наверху, и кричу, задрвав голову:

– Минутку, сейчас подойду, детка!

После чего добавляю, обращаясь к Мэннингу и показывая в сторону кухни:

– Проходите вон туда.

Сама двигаюсь за ним. Шагает он размашисто, целенаправленно. Проверяю свой мобильник. Никаких пропущенных звонков. Никаких эсмэсок от Тома.

«Да где же ты, черт бы тебя побрал?»

Опускаю телефон в карман брюк.

– Не хотите чаю или кофе?

– Да, спасибо. Чаю. Черного, без сахара.

Мозг лихорадочно работает, пока ставлю чайник и снимаю с крючков под кухонным шкафчиком две фаянсовые кружки.

– Вы мне так и не ответили. Что это все значит?

Пытаюсь говорить легко и беззаботно – как бы просто любопытствуя, без наездов.

– На данном этапе мы просто хотим задать пару вопросов, – отвечает Мэннинг, тяжело опускаясь на стул за моим массивным дубовым столом в фермерском стиле. Это было одно из моих самых любимых приобретений, когда мы только въехали сюда два года назад. Тогда мне

² *Столичная полиция*, она же *Мет* (англ. Metropolitan Police, Met) – подразделение полиции, ответственное за обеспечение общественного порядка на территории Большого Лондона, за исключением Сити. Кроме того, занимается контртеррористической деятельностью и раскрытием особо тяжких преступлений на всей территории страны, выполняя примерно те же функции, что ФБР в США. Штаб-квартира Мет – всем известный Скотланд-Ярд. Звания в британском уголовном розыске располагаются в следующем порядке по старшинству: детектив-констебль, детектив-сержант, детектив-инспектор, старший детектив-инспектор и т. д.

хотелось использовать эту перемену по максимуму, так что и современную лондонскую мебель мы сменили на простецкую, самого деревенского вида – более уместную для котсуолдского коттеджа.

При этом выборе слов детектива-инспектора пульс начинает частить. «На данном этапе»...

– Да? Вопросов, касающихся...

Прежде чем он успевает ответить, кто-то барабанит в заднюю дверь кухни. Открываю ее верхнюю часть – она у нас в «амбарном» стиле, из двух отдельных половинок. Вижу за ней детектива-сержанта Уолтерса. Он явно проверял периметр коттеджа.

Они что, думают, что Том где-то тут спрячется? Или что я его прячу? Во мне нарастает что-то близкое к панике, когда воображение разыгрывается не на шутку. Натужно сглатываю, пытаюсь опять затолкать это чувство в самую глубину головы.

Впускаю Уолтерса, спрашиваю, не хочет ли и он чаю. Тот хранит молчание, просто мотает головой – при этом движении на лоб ему падает темно-русая прядь, которую он молча заправляет на место пальцем. Если они пытаются окончательно выбить меня из колеи, то это у них отлично получается.

– Вы сказали, что ваш муж задержался на работе. Есть у вас какие-то мысли, где он сейчас?

– С понедельника по пятницу он ездит в Лондон. Том работает в банковской сфере... в «Мур энд Уэллс». – Не могу придумать, что сказать еще, так что умолкаю.

– Вы не пытались ему звонить?

– Да, пыталась, но довольно давно – перед тем, как укладывать дочку спать. С тех пор – нет.

– А не попробуете еще разок?

Палец дрожит, когда я силюсь попасть им в строчку с именем Тома в перечне недавних вызовов. Случайно тычу в «Люси» и вынуждена быстро сбросить звонок. Со второй попытки наконец устанавливаю нужное соединение. Два гудка, после чего включается голосовая почта. Господи, неужели он тоже сбросил звонок? Собираюсь уже попытаться еще раз, когда вдруг слышу, как открывается входная дверь.

Это Том. Слава богу! Теперь мы со всем разберемся, в чем бы там ни было дело.

– Том! Где ты был? – кидаюсь к нему и крепко прижимаю к себе, втягивая ноздрями чуть кисловатый запах. Костюмного пиджака на нем нет – должно быть, он оставил его в машине. Шепчу ему на ухо: – Тут какие-то детективы, хотят с тобой пообщаться...

Отрываюсь от Тома в тот самый момент, когда лицо у него стремительно бледнеет. В его густо-синих глазах вдруг что-то проскакивает – и, по-моему, это очень похоже на страх.

От волнения у меня начинает крутить в животе.

– Мистер Томас Хардкасл? – Мэннинг уже стоит, когда мы входим в кухню, и держит перед собой жетон, приближаясь к Тому. – Детектив-инспектор Мэннинг, Столичная полиция.

Вижу, как у Тома дергается кадык, когда он судорожно сглатывает.

– Да. Чем могу? – отвечает он, коротко бросив на меня взгляд перед тем, как вновь переключить внимание на детектива. Я и вправду слышу дрожь у него в голосе?

– Думаю, вы можете оказать нам содействие в расследовании убийства.

Глава 2

Бет

Чуть раньше

Кофемашина «Неспрессо» оглушительно ревет, пока я мечусь по кухне, пытаюсь делать три дела одновременно. И не только потому, что сегодня понедельник, утро абсолютно любого рабочего дня начинается примерно так же. Лихорадочно, шумно, в спешке... и очень рано. К пяти утра Поппи уже на ногах, и минут десять я слышу, как она шебует у себя в спальне, общаясь со своими бесценными плюшевыми зверюшками – львом, тигром и ленивцем, которого купил ей Том, – после чего заявляется ко мне, и ни следа ночного тумана в ее чудесных глазах.

В отличие от моих. По-моему, мне еще ни разу не удалось поспать дольше четырех часов, так что туман у меня в глазах *постоянно*.

Том уже встал, принял душ и оделся в один из своих многочисленных костюмов – темно-серый, это вообще его любимый цвет, что касается большинства его шмоток, – и уже сидит за нашим деревенского вида кухонным столом, уткнувшись носом в свой планшет, дожидаясь кофе и меня, пока я на скорую руку готовлю ему завтрак. Это наш обычный, давно установившийся утренний распорядок, прежде чем муж отправится на работу – двадцать минут на машине до вокзала в Банбери, где он сядет в поезд до Мэрилебона³ отправлением в семь ноль четыре. Том и понятия не имеет, каков мой распорядок после этого, но я часто говорю ему, когда целую его в макушку, пока он спокойно сидит, прихлебывая кофе и подчищая с тарелки яичницу, что распорядок этот и распорядком-то не назовешь.

А он каждый раз улыбается, смотрит мне в глаза, подмигивает и говорит: «А по-другому ты и не смогла бы».

Том совершенно прав, естественно. Жизнь прекрасна. Мы оба занимаемся любимым делом – он, менеджер по портфельным инвестициям, и я, наконец-то сама себе начальница в своем «керамическом кафе», – а в конце дня оказываемся под одной крышей друг с другом и нашей маленькой Поппи. Мы – предмет зависти со стороны наших соседей и друзей. Ну, во всяком случае, я считаю, что у меня-то все-таки есть пара-тройка друзей – Том не большой любитель заводить знакомства и практически так и не влился в общественную жизнь нашей деревни с того момента, как мы переехали сюда. Вот что делает с человеком слишком длительное пребывание в Лондоне – если выражаться его языком, он совершенно «девалифицировался» в деле вне рабочего общения. Когда мы с ним только познакомились, семь лет назад, Том был настоящей душой общества, само обаяние, остро слов и умница. Но лондонская обстановка не требует тех усилий, какие ему пришлось бы предпринимать для этого здесь, в маленькой деревне. Надо мне все-таки собраться с духом и как-нибудь созвать гостей на ужин – малость подтолкнуть его. Это и мне самой будет полезно – я так много работаю в своем кафе, что уже и забыла, каково это «вращаться в обществе». Но все-таки надеюсь изменить это при помощи своей новой затеи – книжного клуба⁴.

Прикончив яичницу и убрав тарелку с кружкой в посудомоечную машину, Том первым делом целует на прощание Поппи, а потом подходит ко мне, обхватывает меня за талию, при-

³ *Мэрилебон* – зажиточный квартал в лондонском Вест-Энде, на севере Вестминстера, берущий название от приходской церкви Девы Марии, а также одноименные вокзал и станция метро.

⁴ *Книжный клуб* – очень популярное развлечение в Великобритании наряду с «вечерами викторин» в пабах, особенно в сельской местности. Члены клуба обязуются прочесть какую-либо книгу, а потом совместно ее обсуждают.

тягивает к себе и целует в губы. Губы у него удивительно мягкие, полные. Какая бы суматошная спешка ни царила у нас по утрам, я всегда смакую этот момент, выпиваю его до дна. Том хватает меня за попу и сильно стискивает, отчего по всему моему телу пробегает сладкая волна.

– Я мог бы поиметь тебя прямо сейчас, на кухонном столе, – жарко выдыхает он мне в шею, подкрепляя эти слова еще более чувственными поцелуями.

– Мог бы. Только, по-моему, у твоей дочери нашлось бы что сказать по этому поводу, – шепчу в ответ, едва не задыхаясь.

Поппи слишком поглощена перемещением деталей своего завтрака с одного края пластиковой тарелки на другой, перемешивая хрустящие хлебные палочки с кусочками банана, а затем водружая поверх получившейся горки располовиненные клубничины, чтобы обращать внимание на то, чем мы заняты. Но Том все равно отстраняется и шумно выдыхает.

– О боже, и что вы со мной творите, миссис Хард-касл... – Он смеется над своей обычной шуткой⁵, отчего в уголках его пронзительно-синих глаз собираются морщинки. – Хочешь отправить меня на работу в таком состоянии? – добавляет Том, хватая меня за руку и прижимая ее к своей ширинке. – По-моему, тебе стоит закончить начатое. Что мне теперь с этим делать?

Смеюсь.

– Веди себя прилично! Как-нибудь переживешь. – Собираюсь отдернуть руку, но Том крепко удерживает ее на том же месте еще секунду-другую.

– Да уж... Похоже, больше ничего не остается. Ладно, мне пора бежать. Можем продолжить с того же места, когда я вернусь домой.

И он уходит, оставив меня слегка запыхавшейся стоять все в той же позе – спиной к кухонной стойке. Поппи тянется к планшету Тома, который он оставил посреди стола.

– Посмотрим «Сибибис»?⁶ – спрашивает она, уже нацелившись на планшет.

– Ой, погоди! – Хватаю мокрую тряпку и наскоро протираю ей руки. – Думаешь, папе понравятся отпечатки липких пальчиков на экране?

По правде сказать, папе не понравилось бы, что она вообще его трогает. Он бережет свой планшет как зеницу ока, но эта штуковина настолько удобна, когда надо чем-то развлечь Поппи, что я тоже частенько им пользуюсь, когда Тома нет поблизости. Передаю ей планшет, пока занимаюсь кое-какими своими делами. Чуть больше чем через час Поппи уже одета, ее рюкзачок с эмблемой детского телешоу «Волшебный сад» собран, и она терпеливо ждет у входной двери, пока я не соберу свои вещи. Вихляется из стороны в сторону, напевая про себя что-то, чего я не могу разобрать. Ну и на здоровье. Поппи не очень любит ходить в садик, но стоит ей там оказаться, как все уже в порядке. С остальными детишками в группе у нее не особо-то теплые отношения – по крайней мере, она вроде как никогда не упоминала кого-то по имени. По-моему, тут дочка пошла в меня в том же возрасте – трудно проникнуться к кому-то доверием. Наверное, и мне до сих пор трудно. Хватаю со столика в прихожей ключи и стопку самодельных афишек.

– Ой, погоди секундочку! Куда ты положила папин планшет, лапочка? – Обвожу взглядом прихожую, потом быстро заглядываю в кухню, но нигде его не вижу.

– Э-э... Я положила его в... э-э... – Поппи пожимает плечиками.

– Неважно, потом найду. – У меня уже нет времени для поисков. – Ладненько, моя маленькая Поппи-поппет⁷, пошли!

Когда выходим из дома, беру ее за руку.

⁵ Намек на hard в начале фамилии – твердый, крепкий (англ.).

⁶ «Сибибис» (англ. CBeebies) – британский бесплатный телеканал, транслирующий программы и контент, предназначенный для детей в возрасте шесть лет и младше.

⁷ Поппи – имя «цветочное» (мак). Poppy Poppet – «маковая крошка».

– Какие красивые, правда, мамочка? – говорит она, показывая на цветы в саду свободной рукой. Не готова сказать, как они называются, но Поппи права – они и правду красивые: красные, синие, нежно-розовые... Вьюнки с белыми цветочками обрамляют входную дверь, придавая ей домашний и приветливый вид. Как раз это и привлекло нас в этом большом коттедже, когда мы решили переехать в Лоуэр-Тью из Лондона. Он сразу нам приглянулся. Увидев его соломенную, как на открытке, крышу и ярко-красные кирпичные стены, мы влюбились в него почти с такой же быстротой, как в свое время друг в друга.

Я первой положила глаз на Тома в баре «Сэйджер плас Уайлд» в Бетнал-Грин, в вечер своего двадцатипятилетия. Сразу ощутила проскочившую между нами искру энергии, когда он пробирался между сидящих на уличной террасе людей, чтобы оказаться возле моего столика. И еще одну – уверенности в себе, когда Том, не обращая внимания на моих приятелей и приятельниц, разговаривал только со мной, держа меня за руку и целуя ее. Такая же искра проскочила, и когда мы увидели этот коттедж. Ее просто не могло не быть.

Я верю в такие искры.

– И правда замечательные, Поппи, – говорю я, вновь возвращаясь к действительности. – Надо мне будет в конце концов выяснить, как они называются.

«Всего-то два года прошло», – добавляю я про себя. Два года – с точностью практически до дня – с тех пор, как мы сюда переехали, и совсем скоро после этого я и открыла свое гончарное кафе – мечта, об исполнении которой и помыслить не могла, когда работала консультантом по отбору персонала в самом сердце Лондона. Просто не могу поверить, насколько удачно все сложилось и что теперь мы можем жить такой жизнью. Практически идеальной жизнью.

Но всегда есть и нечто большее, верно? То, к чему стоит стремиться. Идеал – это состояние, которое всегда как минимум на шаг впереди того, в котором ты уже пребываешь. Завершенность, которая вряд ли хоть когда-то достижима. Полной безупречности редко когда удается достичь.

* * *

– Доброе утро, Люси! – кричу я, через полчаса входя в свое заведение под названием «Поппиз плейс». Вообще-то мне хотелось назвать его «Поппиз поттери⁸ плейс», но Том сказал, что такая аллитерация с кучей «п» – это уже перебор.

Слышу приглушенное расстоянием ответное пожелание доброго утра откуда-то из глубины помещения. Люси, должно быть, достает из муфельной печи уже остывшие поделки после вчерашнего сеанса раскрашивания.

Сбросив свое барахло в подсобке, я достаю одну из афишек, которые заготовила дома, и припиливаю к доске для объявлений. Чувствую приятное возбуждение оттого, что вновь открываю в здешних краях книжный клуб, хотя нервишки все равно пошаливают. У меня нет окончательной уверенности, как пойдет дело – не хочу, чтобы люди подумали, будто я пытаюсь по-быстрому влезть в тапки Камиллы. При мысли о ней по спине пробегает холодок. Впрочем, уже почти год прошел – я тактично выждала положенное приличиями время после того, как ее не стало, разве не так? Она была так популярна в нашем деревенском сообществе, особенно среди мамаш, и кое-кто вполне может счесть мои попытки наложить лапы на ее детище неподобающими. Последствия ее неожиданной смерти по-прежнему витают в воздухе – деревенские все так и не могут до конца оправиться от потрясения, поскольку без матери остался двухлетний ребенок. Маленькой Джесс сейчас уже почти три, примерно столько же, сколько моей Поппи, а я даже и помыслить не могу, чтобы оставить ее – от одной только мысли об этом

⁸ Pottery – гончарная мастерская (англ.).

разрывается сердце. Муж Камиллы, Адам, должно быть, невероятно страдал. А наверняка и до сих пор страдает.

Мотаю головой – не хочу еще раз прокручивать в голове эту трагедию.

– Все у нас на мази? – Голос Люси заставляет меня вздрогнуть. Резко оборачиваюсь, чтобы посмотреть на нее – уже облаченную в фартук и готовую к открытию. Ее золотисто-каштановые кудри стянуты в свободный узел на затылке, все остальное удерживает на месте косынка в цветочек. Ей всего двадцать три, но она всегда уверенная в себе, трудолюбивая и безотказная – дети просто обожают ее светлую, жизнерадостную манеру держаться и то, как она напевает, пока они раскрашивают тарелки и кружки. В основном это песенки из диснеевских мультфильмов, но для взрослых Люси время от времени готова исполнить и что-нибудь посерьезней. Мне с ней очень повезло, когда мое заведение стало достаточно популярным для того, чтобы мне потребовался кто-нибудь в помощь. Она подготавливает кафе к приему посетителей и следит за тем, чтобы вся техника была в порядке, а за стеклом прилавка уже лежала свежая выпечка, пока я отвожу Поппи в садик. А потом держит оборону, когда мне нужно уйти, чтобы забрать ее. Люси даже открывает заведение с девяти утра до полудня по субботам, чтобы подавать горячие напитки и закуски – мои выходные целиком и полностью посвящаются семье, я твердо решила это с самого начала. В общем и целом самые сложные задачи лежат на ее плечах – то, о чем она иногда шуточно мне напоминает. В ответ я говорю ей, что и оплата соответствующая, так что мы смеемся и продолжаем в том же духе.

– Да вроде да. Похоже, мы сегодня неплохо проведем время, – отзываюсь я, потирая руки. Ну кто же знал, что этот день закончится на столь серьезной ноте?

Глава 3

Бет

Сейчас

Руки у меня дрожат, когда я наливаю себе бокал пино-гри. Детектив-инспектор Мэннинг и детектив-сержант Уолтерс забрали Тома с собой в отдел полиции Банбери.

– А ему не нужен адвокат? – опасливо поинтересовалась я, когда они выводили его из дома.

Мэннинг ограничился все той же фразой: «На данном этапе просто надо задать пару вопросов», – прежде чем поблагодарить меня за чай и показать спину. Ощущение сюрреалистическое – мой разум оставался в паре шагов позади от происходящего. Я беспомощно смотрела, как Том уходит буквально через несколько минут после того, как вернулся домой. У меня не было возможности переговорить с ним – спросить, как у него прошел день, почему он так припозднился... Пораженное выражение его лица так и отпечаталось у меня в голове.

Но было ли это просто изумление – то, что промелькнуло у него тогда на лице?

Отбрасываю эту мысль.

«О боже... Поппи!»

Бедная малышка – когда только явились детективы, я обещала ей через минуту подняться к ней спальню, а уже больше получаса прошло! Оставив бокал на кухонной стойке, мчусь по лестнице вверх проверить, как там она. Наконец вижу ее сквозь щелку приоткрытой двери – спит без задних ног, сложив руки на груди. Сердце у меня тает. Такая невинность... «Это самое близкое к идеалу, чего нам когда-либо удавалось достичь, – думаю я, осторожно закрывая дверь. – Моя Спящая красавица».

Я хочу для нее лишь самого лучшего – того лучшего, которое вообще способна дать.

Я никогда не брошу ее на произвол судьбы, как бросили меня саму в детстве. Меня до сих пор преследуют воспоминания об отце, который недостаточно любил меня, чтобы остаться. Мать тогда погрузилась в депрессию, а позже и в алкоголизм, предоставив меня заботам няни, которая практически меня и вырастила. Та старалась изо всех сил, но ущерб уже был причинен. И он до сих пор заражает многие из моих жизненных решений.

У Поппи никогда не будет плохого детства – ни в коем случае не допущу, чтобы с ней произошло нечто подобное! У нее обязательно будет счастливый, надежный дом с любящими родителями, которые никогда ее не подведут.

* * *

Допиваю бокал, после чего открываю холодильник, хватаю бутылку и наполняю его по новой. Когда делаю очередной большой глоток, в голове проскакивает образ матери.

«Не будь такой, как она».

Выливаю остатки вина в раковину и убираю бокал в посудомойку. Нужно сохранять ясную голову. Прошло всего полчаса с тех пор, как забрали Тома – наверняка они в лучшем случае успели только добраться до отдела. А он может там и несколько часов проторчать. Может, попробовать устроиться перед телевизором – или даже залечь спать? Хотя ничуть не сомневаюсь, что все это будет без толку – мне никак не выбросить из головы беспорядочно перепутавшиеся мысли, не говоря уже о том, если я улягусь в наполненной тишиной комнате.

Расследование убийства, сказал Мэннинг.

Чьего? Где? Когда? Каким образом?

И с чего это они взяли, что мой Том может хоть что-то про это знать?

Глава 4

Том

Сейчас

По пути в отдел полиции Банбери звоню своему адвокату, Максвеллу Филдингу. Я прекрасно сознаю, что при общении с полицией не бывает всяких там «неофициальных бесед», и хотя я не арестован и даже не задержан, если верить детективу-инспектору Мэннингу, рисковать не хочу. В чем бы ни было дело, могу лишь прийти к заключению, что, по их мнению, я каким-то образом связан с жертвой убийства, так что, пока не выясню больше, лучше пусть рядом будет кто-то, кто способен дать мне грамотный совет.

Трепыхание в груди лишь усиливается, когда подъезжаем к отделу.

Студеный ветерок гуляет по открытому пространству, когда мы втроем идем ко входу от того места, где детектив-сержант Уолтерс поставил свою машину. Поеживаюсь, ругая себя за то, что перед тем, как выйти из нашего коттеджа, не додумался прихватить куртку – пиджак пришлось оставить в машине. Прибавляю шаг, обхватив себя руками за плечи, и останавливаюсь, когда сознаю, что слишком вырвался вперед. Все-таки не настолько уж я стремлюсь поскорей оказаться внутри... Если и сейчас меня основательно потряхивает, то представляю, как это будет, едва только они за меня возьмутся.

«Не делай поспешных выводов: ты не арестован».

Мысли беспорядочно мельтешат в голове, пока пытаюсь прикинуть: кто, что и где. В отделе меня заводят в маленькую комнатку и просят присесть и подождать. Такие вот проволочки – у них отработанная тактика, чтобы ты занервничал. Дошел до ручки. Чтобы волной нахлынул адреналин, пока ты в ужасе ждешь того, что грянет.

Хотя, может, я просто накручиваю. Несмотря ни на что, все же надеюсь, что они и вправду просто зададут пару вопросов про кого-то, кого я не видел уже целую вечность, – или, что еще лучше, с кем я вообще незнаком. Может, я вообще не знаю этого человека. «Жертву». Это может быть какая-то совсем уж далекая связь – типа как мы ходили в один и тот же спортзал, или это мой клиент в банке... Да, скорее всего, так оно и есть.

Делаю глубокий вдох и медленно выдыхаю, пытаюсь взять себя в руки. Не хочу выглядеть преступником, даже еще не успев хоть что-то сказать.

В памяти всплывает лицо Бет в тот момент, когда я уходил с детективами. Рот у нее был приоткрыт, кровь полностью отлила от ее красивого личика в виде сердечка.

Вид у нее был откровенно испуганный. Как будто для этого у нее были какие-то основания.

Вообще-то я далеко не первый раз в полиции, но впервые жду допроса в связи с *убийством*.

Сжимаю кулаки под угловатым столом. Обручальное кольцо врезается в соседние пальцы. Хочу опять расслабить руки, так что вытаскиваю их из-под стола и свободно кладу перед собой. Так вид у меня будет не столь напряженный. Прикрываю глаза, чтобы не видеть этих уныло-желтых стен без единого окна. Комнатка тесная, душная – и это при том, что пока здесь только я один. Почему они не могли задать свои вопросы в тепле и уюте моего собственного дома, черт возьми?

«Потому что дела плохи», – отвечает голос у меня в голове.

О боже... Чего же ждать?

Мои глаза резко распахиваются при звуке открывающейся двери.

Похоже, сейчас я это выясню.

Глава 5

Бет

Сейчас

Матрас проседает, отчего я слегка заваливаюсь на бок, но этого достаточно, чтобы разбудить меня – спала я вполглаза.

– Том? Сколько сейчас времени? – Сажусь, быстро моргая.

– Ш-ш! Не волнуйся, давай опять спи, зайка, – говорит Том. Забрасывает ноги под одеяло и прижимается ко мне. Кожа у него холодная, и я поеживаюсь.

– Прости, Бет, – выдыхает он мне в шею.

– Прости за холодные ноги?

– Нет. Сама знаешь, о чем я. Прости за вчерашнее – что поздно пришел, что... ну, и за все остальное.

– Со всем разобрались? – От усталости едва ворочаю языком, голос мой больше похож на шепот.

– Завтра поговорим.

– Но у нас же никогда нет для этого времени, – сонно отзываюсь я.

– Ладно, неважно – сейчас насчет этого не переживай.

Когда тебя убеждают насчет чего-то не переживать, обычно это производит противоположный эффект.

– Поговорим прямо сейчас, – говорю я, опираясь на локоть и глядя на Тома. Сквозь щель между занавесками просачивается лунный свет, но его недостаточно, чтобы как следует разглядеть его лицо. Переворачиваюсь на другой бок и включаю лампу на тумбочке.

– О, Бет!.. Только не сейчас. – Он прикрывает глаза рукой.

– Нет уж, давай сейчас. Завтра слишком много дел – мне нужно все подготовить для детского праздника в кафе, а потом забрать Поппи из садика и привести с собой, поскольку это мероприятие начинается в четыре...

– Но это же все завтра! – стонет Том, перебивая меня. – Вечером будет время. А теперь попытайся опять заснуть.

Он начинает отворачиваться от меня.

– Нет, Том. Сядь, пожалуйста. Мне нужно знать, что произошло в полиции, – с мольбой произношу я. – Ты как-то помог им с этим расследованием? Про кого это они расспрашивали? Про кого-то из твоих знакомых? Пожалуйста, скажи мне, что все хорошо!

Том неохотно уступает, с ворчанием накидывая подушки к изголовью кровати и приваливаясь к ним спиной. Слышу, как он резко фыркает через нос. Пульс молотит у меня в шее, пока я дожидаюсь ответа.

– Это насчет Кэти, – попросту произносит он.

– Вот блин...

Ему нет нужды уточнять, насчет какой Кэти. И так понимаю, про кого речь. Кэти Уильямс была подружкой Тома прямо перед тем, как мы с ним познакомились. Насколько всем известно, она уехала странствовать по миру или что-то в этом духе. Я знаю, что Том тяжело перенес ее отъезд и расставание с ней – он мне сам говорил еще во время нашего первого свидания. Но после этого мы упоминали ее в разговоре всего только раз. Том не из тех, кто цепляется за прошлое. «Всегда надо смотреть в будущее», – любит повторять он.

– Ну да. Вот именно что блин. – Том опускает голову, почти упершись подбородком в грудь. Придвигаюсь ближе к нему, кладу руку ему на живот, вожу пальцами по пушку вокруг пупка.

– Точно. Просто в голове не укладывается... Когда ее нашли?

– О нет, – говорит он, мотая головой. – Ее не нашли. Они лишь *подозревают*, что с ней что-то случилось.

– Ну что ж, тогда все хорошо, – произношу я голосом, полным оптимизма.

– Наверное.

– Тогда, выходит, они хотели с тобой побеседовать только потому, что ты ее бывший бойфренд... Спрашивали небось, давно ли ты с ней общался?

– Ну да, типа того.

– А значит, тогда ты ничем не мог им помочь. Так ведь?

– Вот именно. Так что волноваться не о чем. Я сделал все, что мог. А теперь давай спать, Бет. Когда прозвонит будильник, ты будешь просто никакая.

– Я всегда никакая – это моя установка по умолчанию, – отзываюсь я, выдавливая улыбку.

– Все толком расскажу завтра.

На данный момент я удовлетворена. Выключаю свет и падаю обратно в постель, обхватив Тома за талию. Хочу, чтобы он знал, что я здесь – образцовая жена, всегда готовая его поддержать. Хотя разум все никак не может успокоиться, молотит на повышенных оборотах, перебирая все, что я знаю про Кэти, – а знаю я всего ничего. Она была с Томом незадолго до меня, и он основательно вскружил ей голову. Кэти проводила с ним все свое свободное время.

Размышляю о том, какой все-таки Том обаятельный – как легко я подпала под его чары. И как под этими чарами и остаюсь. Кэти продержалась всего шесть месяцев. С ней он здорово обжегся, по его собственным словам, – она сильно изменилась, изменились и ее интересы.

Я же вышла за него замуж. Родила ему ребенка.

Я всегда считала себя избранной.

Глава 6

Бет

Сейчас

Слышу, как струи воды бьют по стеклянной переборке душевой кабины, и лениво поворачиваюсь в сторону ванной комнаты. Том оставил дверь открытой, как обычно, и я вижу его сквозь стекло – на груди пенится гель, шампунь стекает с головы. Не свожу с него глаз, продолжая при этом гадать, о чем же все-таки расспрашивал его вчера детектив-инспектор Мэннинг и что Том ему мог ответить. Когда он вчера залез в кровать, вид у него был совершенно спокойный, так что, пожалуй, на этом все и закончилось. Не без труда отрываю от него взгляд и, даже не пытаясь опять завалиться спать, решительно встаю.

Том был прав: я реально никакая. Глянув в гардеробное зеркало, подмечаю темные круги под глазами. Похоже, придется основательно наштукатуриться тональным кремом и контурной основой, чтобы скрыть все это утреннее безобразие, плюс выдуть целый чан кофе, чтобы более-менее очухаться. Впереди у меня напряженный день, а еще ведь нужно пережить и этот детский праздник. Правда, не раньше четырех, и всего лишь для десяти человек – пригоршни трех- и четырехлеток и их родителей, – но все равно понадобится время, чтобы все подготовить, и я знаю, что часовой сеанс покажется вдвое длиннее. Поначалу я сомневалась, было ли хорошей мыслью соглашаться, когда Салли, мама именинницы, попросила все устроить. Такой малышне всегда трудно угодить, внимания у них хватает очень ненадолго – они не способны усидеть на месте дольше пяти минут. Я уже собиралась ответить отказом – но Салли обмолвилась, что приглашены и Джесс с Адамом, и укол чувства вины превратил мое «нет» в «ну да, конечно же». Ну как я могла отказать, зная, что они тоже придут?

На лестнице – мягкий топоток крошечных ножек Поппи.

– Доброе утро, малышка! – говорю я, открывая объятия. Она стискивает меня своими пухленькими ручонками. – Как спалось?

– Хорошо выспалась, мамочка! – Поппи улыбается мне до ушей, но тут же кривится. – А вот папа – негодник!

– Ой, да ну? – Уже знаю, чего ждать.

– Угу. – Она надувает губки. – Он не поцеловал меня на ночь.

Скрипит дверца душевой кабины, и через пару секунд появляется Том с полотенцем на бедрах.

– Прости, Поппи-поппет! Папа такой негодяй, правда? – говорит он, ухмыляясь, и тянется к ней, распахнув объятия.

Она хихикает, когда Том брызжет на нее водой с мокрых рук.

– Ну папа-а-а! – визжит Поппи, прячась у меня за спиной.

– Дай мне только вытереться и одеться, и тогда получишь такие медвежьи обнимашки, что мигом забудешь про все обидки. Хорошо?

– Хорошо-о-о! – отзывается она, выбегая из комнаты. – Я завтракать, мамочка!

– Сейчас спущусь! – кричу ей вслед. – Просто подожди за столом.

– Понимаю, что тебе хочется сразу взяться за меня, Бет, но сейчас у нас и вправду нет времени. Послушай, я расскажу тебе все в красках, когда вернусь с работы, хорошо?

– Я тебе не Поппи. Не разговаривай со мной как с ребенком, Том.

– Милая... – Он присаживается на кровать рядом со мной, берет меня за руку. – Я вовсе не хотел... Мы обязательно об этом поговорим, но ты же знаешь, что по утрам у нас натураль-

ный дурдом. Да и рассказывать-то, честно говоря, особо нечего. И уж тем более не о чем беспокоиться.

– Да ну? И вправду не о чем? – Слышу недоверчивость в своем собственном голосе. Том выпрямляется и чуть отодвигается от меня.

– Тебе не о чем беспокоиться, – уточняет он, глаза его холодны и серьезны. – Как сказал Мэннинг, просто пришлось ответить на пару вопросов.

– Ладно. – Медленно выдыхаю. Но никак не могу избавиться от смутной тревоги. Или же неловкого чувства, что я ему не верю.

* * *

В садик тащимся пешком достаточно долго, поскольку каждые несколько шагов Поппи останавливается, чтобы восхититься тем, что заметила по дороге: бродячей кошкой, какими-то цветочками в саду, улиткой на стене... Да еще и натываемся на Ширли Айриш из местного паба, которая первым делом спрашивает меня про книжный клуб.

– С удивлением увидела ваше объявление, когда вчера днем заскочила за своим заказом, – говорит она, так наморщив свой острый нос, будто учуяла какой-то неприятный запах.

– Правда? Вот уж не думала, что в деревенском сообществе вроде нашего книжный клуб – это что-такое очень уж удивительное, миссис Айриш, – любезно отвечаю я. Я всегда по какой-то причине называю ее именно «миссис Айриш», хотя она настойчиво просит именовать ее просто Ширли.

– Вообще-то нет. Но вы же помните, что раньше это был книжный клуб Камиллы Найт, так ведь?

Прикусываю губу, чтобы случайно не ляпнуть: «Не думаю, чтобы сейчас она против этого возражала. Вряд ли она про это узнает». Вместо этого улыбаюсь и говорю ей, что, по-моему, это хорошая дань уважения Камилле и что та была бы только рада узнать, что в деревне продолжают начатое ею дело. Ширли несколько раз кивает, отчего ее жиденькие черные волосы мотаются по бокам от лица – принимаю это за знак согласия и при первой же возможности ускользаю. Неужели и все остальные будут против того, что я возродила эту затею?

* * *

– Не думала, что сегодня вообще доберусь досюда, – говорю я, наконец переступая порог кафе.

– А я уже начала гадать, не случилось ли чего, – отзывается Люси.

– О нет. Абсолютно ничего не случилось, – быстро отвечаю я. Слишком уж быстро. – Просто Поппи тащилась нога за ногу, а еще я наткнулась на Ширли, которая из паба.

– Тебе повезло, что удалось быстро отделаться. От нее так просто не отцепишься, точно? Смеюсь при этих словах Люси. В этом с ней можно лишь согласиться.

Когда я направляюсь за своими вещами в подсобку, взгляд мой падает на афишу книжного клуба. Снимаю ее с доски. Вовсе не из-за того, что сказала Ширли, – я решительно настроена продолжать независимо от ее мнения, – а по той причине, что очень не хочу, чтобы позже ее увидел Адам и плохо подумал обо мне из-за того, что я наложила лапы на клуб Камиллы. Это ведь она основала его и несколько лет руководила им. Когда мы только переехали сюда и я открыла «Поппиз плейс», Камилла как-то заглянула сюда – золотистые волосы волнами спадают на плечи, стройная фигурка облачена в черные облегающие легинсы и футболку с леопардовым узором – и спросила, нельзя ли ей пользоваться помещением кафе раз в месяц по средам для собраний ее книжного клуба. По ее словам, обычно она проводила такие лите-

ратурные вечера у себя дома, но группа разрослась, и дискуссии достигли такого накала, что стали беспокоить сон ее годовалой дочки.

Я всегда типа как надеялась, что Камилла предложит и мне прочесть выбранную ими книгу – посидеть с другими молодыми мамашами и обсудить, кто что про нее думает. Однако вместо этого на два часа каждый месяц оказывалась за бортом происходящего, разнося напитки и кексы. Но хотя бы выяснила, как кого зовут и кто чья родительница. Слушая их болтовню, получила кое-какое представление, что именно происходит у каждой в жизни и какие сплетни гуляют по деревне. Это буквально открыло мне глаза – я и понятия не имела, что в таком маленьком местечке настолько кипит жизнь.

И все же Камилла так и не приняла меня в их тесный кружок. Единственный раз, когда у нас нашлась общая тема для разговора, – это когда речь зашла о рецептах печенья, поскольку она сама любила печь. Сейчас кажется, что это было в какие-то незапамятные времена...

– Ты позволила им брать любые заготовки? – спрашивает Люси.

– Э-э... нет. – Быстро сую афишу под прилавок. – Думаю, пускай ограничатся зверюшками среднего размера – спасибо, что напомнила, Люси.

– Заметано, – откликается она.

Когда Люси заходит в подсобку, слышу, как она начинает напевать. Улыбаюсь, но тут опять опускаются тучи. Вчера все казалось таким нормальным – радостным, беззаботным. Сегодня все совсем по-другому. Словно какой-то тяжелый груз затаился внутри меня в ожидании. Чувство, что придется ждать чего-то плохого.

* * *

Быстро наступает четыре часа, и я рада, что с большинством приготовлений мы управились еще с утра, поскольку надо было реально много чего сделать, и мне пришлось на полтора часа уйти, чтобы забрать Поппи и на обратном пути по-быстрому завернуть домой за кексами, нехватка которых у нас вдруг обнаружилась. Я жутко горда тем, что мое заведение так хорошо тут раскрутилось. И пусть я новичок в этом тесном деревенском мирке, народ тут с готовностью поддерживает меня и мое кафе. Оглядываю свежеспеченные кексы, маффины и печенье, выставленные в стеклянной витрине возле прилавка. И вид, и запах – божественные. Часть из них – от сторонних поставщиков, но я много чего пеку и у себя дома – это моя страсть, и большой плюс, что есть возможность не только совмещать это занятие с присмотром за Поппи, но даже и привлекать ее к делу. Люблю экспериментировать с новыми рецептами, а Поппи просто обожает выступать в роли моего официального дегустатора. Покупательские отзывы греют душу – я как-то даже случайно услышала, как одна женщина говорит, что лучше моего печенья она в жизни не пробовала. Том смеялся, когда я ему этим похвасталась. Сказал, что никак не ожидал, что я окажусь такой прирожденной домохозяйкой, когда мы только познакомились. Я так и не поняла, был ли это комплимент или же подколка, – но в любом случае то, что я здесь и управляю собственным кафе, делает меня счастливой и довольной, как никогда в жизни.

В ожидании остальных детей Поппи вела себя как натуральный ангел, терпеливо сидя за столиком возле прилавка и играя «в кафе» кукольными столиками и стульчиками, которые я ей купила, – поскольку, цитирую, она «хочет быть как мамочка». К счастью, Салли пригласила на день рождения Молли и ее, так что по крайней мере не пришлось заморачиваться с поисками няни.

Керамические зверюшки с необожженной еще глазурью выстроены в ряд, готовые к тому, чтобы их расхватили дети и их родители; на всех восьми столиках заготовлены разноцветные краски. По всему кафе развешаны яркие воздушные шары, на стенах растяжки – «С днем рождения!». Поглядываю на Люси, которая уже повязала косынку и надела фартук. Чувствую себя как полководец перед атакой противника.

– Все готово, – объявляет Люси.

– Отлично. И огромное спасибо тебе за помощь – как и всегда. Только подумай: всего через час с небольшим все благополучно закончится, и ты можешь спокойно провести вечер с Оскаром, – говорю я.

– О, я люблю это, ты же знаешь. С детишками я в своей стихии. А потом, Оскар сегодня работает допоздна – типа как одной машине надо сделать полное ТО, а другую отогнать владельцу и вернуться обратно на поезде, – говорит Люси, пренебрежительно отмахиваясь. – Бог знает, когда он объявится.

Люси – не фанат автомобилей. Машины у нее никогда не было: она предпочитает раскатывать по деревне на своем верном ржавом велике или пользоваться общественным транспортом. Двигатели внутреннего сгорания для нее – темный лес, и она частенько говорит мне, что едва не засыпает, пока ее бойфренд талдычит на эту тему. По-моему, это довольно забавно, хотя у Оскара может быть иное мнение.

– Ох уж эти радости владения собственным бизнесом... Как мне это знакомо... – говорю я. – Хотя с тех пор, как он заправляет отцовским автосервисом, дела у него вроде идут неплохо. Пусть даже и непросто ему приходится.

– Да, отца ему очень не хватает. Но он настоящий работяга, крутится как белка в колесе, практически без помощников. Его папа мог бы им гордиться.

– Это уж точно, подружка, – ободряюще произношу я, после чего нацепляю на лицо приветливую улыбку и открываю дверь, чтобы встретить виновницу торжества.

Мирная тишина кафе сразу же взрывается шумовой бомбой из оглушительных криков малюток и их родителей, соревнующихся за то, чтобы их услышали. Такое впечатление, что на мероприятие заявилось как минимум человек двадцать, а не вполовину меньше. Уходит около пятнадцати минут, прежде чем все рассаживаются за столики со своими зверюшками. Быстро считаю по головам: одного ребенка не хватает. Не вижу Адама с Джесс – может, он решил не участвовать... На всякий случай спрашиваю у Салли, все ли здесь.

– Э-э... Вообще-то нет. Джесс и ее отец еще не подошли, – отвечает она, обводя взглядом кафе. А потом вдруг вскидывает руку, машет кому-то позади меня, и, обернувшись, я вижу в дверях Адама с дочкой. Джесс выглядит совсем крошечной – мельче, чем остальные дети ее возраста, – так что удерживать оборонительную позицию, укрывшись за ногами отца и крепко в них вцепившись, ей удастся без проблем. Он пытается оторвать ее от себя, чтобы подойти к столу, но Джесс отчаянно сопротивляется. Салли вскакивает со стула и наклоняется к ней, чтобы уговорить ее отцепиться от отца, но безуспешно. Когда Салли возвращается на свое место рядом с Молли, я замечаю, что под мышкой у Джесс зажат белый плюшевый котик, что позволяет вмешаться и мне.

– Вижу, ты любишь котиков, Джесс? – говорю я. – Здесь тебя ждет один совсем особенный котик – хочешь с ним познакомиться?

Малышка наконец выглядывает из-за спины Адама и вытягивает шею туда, куда я показываю. Протягиваю ей руку, и она неуверенно берет ее. Адам улыбается мне, когда я веду ее к столику с фигурками-заготовками, и Джесс, естественно, выбирает кошку.

– Спасибо, вы замечательно с ней управились, – говорит Адам, когда они усаживаются за стол, готовые приступить к делу. Придвигаю стул и сажусь рядом с ним.

– Должно быть, нелегко вам обоим приходится... Ну как с таким свыкнешься?

– Да уж... – Он опускает взгляд, но не раньше, чем я вижу у него в глазах слезы. – Вы просто не представляете, сколько народу считает, что раз уж целый год прошел, то мы уже должны давно приспособиться и жить дальше. Хотя, думаю, мы все-таки справляемся, в какой-то степени. Я уже вернулся в офис на неполный рабочий день, хотя в основном работаю из дома, чтобы побольше бывать с Джесс. Но, честно говоря, – тут Адам делает паузу, как бы раздумывая, стоит ли мне довериться, – мне иногда нужно побыть и с другими взрослыми,

понимаете? Иначе можно просто с ума сойти. За что ни возьмешься, всякий раз кажется, что все делаешь не так...

Голос у него срывается, и он кашляет, словно прочищая горло, чтобы скрыть это. Я очень хочу похлопать его по руке или сделать еще что-нибудь в этом роде – чтобы показать, что я сочувствую, – но это, по сути, наш с ним первый настоящий разговор, так что это кажется не совсем уместным.

Поэтому я просто расспрашиваю его про Джесс: как у нее дела в садике, что она любит, как ему удастся совмещать работу с необходимостью присматривать за ней... И как-то вдруг заканчиваю тем, что приглашаю обоих на чай на следующей неделе.

– Правда?.. Да, это было бы здорово. Ей нужно побольше общаться с детьми ее возраста за пределами садика. Она у меня довольно застенчивая.

– О, Поппи точно такая же. Вы оказали бы мне неоценимую услугу! – Ухмыляюсь. – Я трачу так много времени, пытаюсь добиться успеха в бизнесе, что, боюсь, немного пренебрегаю ею.

– Уверен, что это совсем не так. Вы для нее – источник вдохновения. И, без сомнения, уделяете ей много времени, когда оказываетесь дома.

Задаюсь вопросом, не сказано ли это просто из вежливости, но тут Адам смотрит мне прямо в глаза и одаривает искренней улыбкой.

– Мне нравится бывать с ней. Быть матерью – лучшая работа в мире. – Едва я произношу эти слова, как сердце у меня падает. О боже, и зачем я это сказала? Каким местом я думаю? – Я... я хотела сказать...

– Все в порядке, Бет. Это и вправду так. Быть родителем – это лучшая работа, не стоит из-за меня переживать.

– Иногда я совсем не думаю, прежде чем открыть рот, – говорю я с пылающим лицом.

Адам смеется.

– Знаете, большинство людей бегут от меня как от чумы. Даже сейчас они не знают, что мне сказать. Чувствуют себя неловко, поэтому ограничиваются чем-нибудь вежливым вроде «доброе утро» или «как дела?». Но сразу впадают в панику, если я даю ответ больше чем из одного предложения. – Адам склоняет свою голову к моей и заговорщически шепчет: – Вообще-то я удивлен, что нас пригласили на этот праздник. И, честно говоря, очень благодарен вам за то, что решили со мной поговорить. Пожалуйста, не беспокойтесь о том, что можете ляпнуть что-нибудь не то. Могу вас заверить, что вы ничем меня не обидите.

– Ну вот и отлично. – С облегчением улыбаюсь ему, поднимаясь из-за стола. – Ладно, оставлю вас с Джесс рисовать – похоже, ваша кошечка будет самой яркой, какую я когда-либо видела! – Улыбаюсь и Джесс. – Пойду гляну, как там успехи у остальных.

Иду обходом, довольная тем, что поговорила с Адамом. Ему наверняка так одиноко... Пожалуй, если познакомить Поппи и Джесс, это пойдет на пользу нам обоим.

Ближе к пяти часам я начинаю думать о возвращении домой, и в животе у меня начинает туго затягиваться узел нервного беспокойства. Теперь, когда праздник почти закончился, можно позволить себе подумать и о том расследовании убийства. Скоро я наконец-то смогу нормально поговорить с Томом. Понятия не имею, как там в полиции все устроено, учитывая тот факт, что тело не обнаружено, но если это рассматривается как убийство, то у них должно быть достаточно свидетельств, указывающих в этом направлении.

Бедная Кэти...

Хотя просто не могу представить, с чего это они взяли, что Том может чем-то помочь. Сегодня утром он выглядел совершенно нормально, но вчерашнее появление полиции явно выбило его из колеи.

– Большое спасибо, что позволили нам устроить здесь этот праздник, – говорит Салли, пожимая мне руку. – Молли очень понравилось. Мне тоже. Вообще-то я и сама с удовольствием в ближайшее время заглянула бы сюда, чтобы создать что-нибудь более... взрослое!

– Ну конечно, всегда пожалуйста. Я рада, что Молли понравился ее день рождения – было и вправду весело!

И я говорю это совершенно искренне, пусть даже ничего подобного и не ожидала. Я совершенно измотана, но вынуждена признать, что все оказалось не настолько напряжно, насколько изначально представлялось.

Главный напряг еще впереди.

Глава 7

Бет

Сейчас

Машина Тома стоит на дорожке перед коттеджем. Это вызывает у меня смешанные чувства. Я рада, что он вернулся вовремя, но меня все еще захлестывает волна тошнотворного предчувствия. Делаю несколько глубоких вдохов и открываю входную дверь.

И сразу чувствую проблему. В доме царит тишина.

Тома здесь нет.

– Папа? – зовет Поппи. Бежит в гостиную, снова выбегает, потом мчится на кухню, ищет его. На миг застываю как вкопанная, мой разум в смятении. Его машина здесь. А он – нет. Проверяю свой мобильник. Если Том собрался куда-нибудь пойти, он ведь наверняка написал бы эсмэску? Есть пропущенный звонок с неизвестного номера, но никаких новых сообщений.

– Может, он вышел на пробежку, – говорю я Поппи, когда она ковыляет обратно ко мне. Такое не исключено. Поскольку нас не было дома, то вместо того, чтобы бить баклуши, сидя в одиночестве, Том мог бы воспользоваться редкой возможностью пробежаться. Раньше он делал это регулярно, но при нашей нынешней занятости предпочитает проводить время с Поппи, прежде чем та ляжет спать.

– Он сколо велнется, – лепечет она, пожимая плечиками.

– Да, я тоже так думаю, зайка. Давай-ка пока попьем чайку, хорошо?

Когда кладу свою сумочку на столик в прихожей, вижу мигающую красную лампочку на автоответчике. Нажимаю кнопку воспроизведения.

«Не хочу, чтобы ты зря паниковала, Бет...» Голос Тома заполняет коридор, такой громкий, что звучит искаженно, эхом отражаясь от стен. Быстро нажимаю на кнопку уменьшения громкости, кровь шипит у меня в ушах.

«Прости. Меня снова привезли в полицию. На этот раз я, наверное, задержусь чуть подольше. Не волнуйся, со мной здесь мой адвокат. Я позвоню еще раз, как только смогу», – произносит он. Думаю, что Том уже закончил, но потом слышу вздох. А за ним, практически шепотом: «Я люблю тебя, Бет». Динамик умолкает.

Мои руки и ноги наливаются свинцом. Не могу даже пошевелиться. И что теперь делать? Может, позвонить в полицию? Или адвокату Тома? Хотя если он с Томом, то тоже вряд ли сможет сейчас пролить какой-то свет на происходящее.

Господи Иисусе...

Детективы, видать, приехали сюда, чтобы забрать его, потому что машина Тома здесь. Видели ли соседи?

По спине у меня бегут мурашки, кружится голова.

Нужно *кому-то* позвонить. Сделать хоть *что-нибудь*. Но, помимо Тома, мне не к кому обратиться, не на кого опереться. Как я дошла до жизни такой? Слишком занята обустройством кафе. Слишком занята с Поппи. Слишком занята своей ролью любящей супруги... Том всегда говорил, что не стоит переоценивать друзей, что они лишь отвлекают нас друг от друга. Люси и мамаш из садика я держу на почтительном расстоянии, поэтому сейчас мне не с руки обращаться к ним. В голове всплывает голос Тома: «Мы нужны только друг другу, Бет. Все остальные не имеют значения».

Но Тома здесь нет. И вдруг я понимаю, что он был не прав – мне все-таки *нужны* другие люди.

Только вот в данный момент их нет. Я в этой ситуации совсем одна.

Глава 8

Том

Сейчас

Понимаю, что принял правильное решение, с самого начала позвонив Максвеллу, хотя детектив-инспектор Мэннинг и детектив-сержант Уолтерс хотели всего лишь «задать пару вопросов». По крайней мере, он в курсе дела, знает ситуацию – теперь, когда меня снова забрали. В ходе первого допроса я не стал играть в молчанку, поскольку в этом не было нужды. Несколько простых ответов, чтобы «составить представление о Кэти» – вот и все, что им требовалось, сказали они. С какой стати уходить в отказ в такой ситуации? На мой взгляд, такое поведение сразу же вызывает сильные подозрения. Я порядком насмотрелся документальных сериалов про реальные преступления, и, о боже, до чего же меня бесит, когда допрашиваемый каждые пять секунд талдычит: «Предпочитаю воздержаться от ответа!» В таких случаях я едва сдерживаюсь, чтобы не запустить пультом в экран телика. Естественно, я куда лучше буду выглядеть, если стану отвечать на их вопросы прямо и без утайки.

Если они поймут, что я всеми силами готов им содействовать, то, возможно, предпочтут искать в каком-то другом месте.

Тем не менее теперь, во время второго допроса, вид у них куда более деловой, чем в первый раз, и я всерьез подумываю о том, чтобы использовать подход под названием «хранить молчание». Без сомнения, Максвелл тоже посоветует подобную тактику, потому что вдруг я брякну что-нибудь не то? Каким-то образом впутаю себя в это дело? По крайней мере, если я не вступлю в бой, то они не смогут и заманить меня в ловушку. Поскольку именно на это все и похоже. На тщательно заготовленную ловушку. Замани меня в западню невинными вопросами, усыпи мою бдительность, породив ложное чувство безопасности и заставив меня подумать, будто они жутко благодарны мне за содействие, и тут – бац! – тресни меня по башке чем-нибудь увесистым.

Что, по их мнению, они знают?

«Да ничего они не могут знать... Там вообще нечего знать».

Если я буду достаточно часто повторять это у себя в голове, то не исключено, что и сам в это поверю.

Какой же я дурак, что не поговорил с Бет, когда она об этом просила! Оставить разговор до сегодняшнего вечера было явно огромной ошибкой – и теперь уже поздно исправлять ситуацию; мне удалось лишь оставить коротенькое сообщение на домашнем телефоне. Готов поспорить, что они пообщаются с ней раньше, чем это получится у меня.

– Вы обвиняете моего клиента в совершении какого-то преступления, детектив Мэннинг? – спрашивает Максвелл. Он сидит рядом со мной, свободно-непринужденный, но властный в своем сшитом на заказ серебристо-сером костюме, его медно-рыжие волосы аккуратно уложены гелем. Голос его спокоен, тверд, уверен. Человек он деловой и прагматичный, общается без всяких обиняков и иносказаний, и стоит каждого пенни из тех денег, что я собираюсь ему заплатить. Если повезет, это будет последний раз, когда мне пришлось прибегнуть к его услугам.

– Как вам известно, ваш клиент признает, что у него были отношения с Кэти Уильямс из Бетнал-Грин, Лондон, непосредственно перед ее исчезновением. У нас также есть факты, свидетельствующие о том, что он мог быть причастен к этому исчезновению. Это делает мистера Хардкасла персоной, представляющей оперативный интерес.

Моя уверенность в себе тает как дым.

Детектив-инспектор Мэннинг впервые упоминает об этом, и мое нутро реагирует на это не лучшим образом. Смутно сознаю, что голоса в допросной продолжают звучать – Максвелл задает какой-то вопрос касательно положенного по закону предоставления ему всех материалов дела, детектив что-то отвечает, но их слова словно растягиваются, искажаясь, накладываясь друг на друга и превращаясь в неразборчивый бубнеж – не могу расшифровать значение ни одного из них. Внезапное чувство, будто я нахожусь на лодке в бурном море, заставляет мой рот наполниться слюной.

– Мне нужно в туалет. Прямо сейчас, – выдавливаю я, прежде чем горло перехватывает сухим рвотным позывом.

Максвелл замолкает и резко отстраняется, когда я поспешно протискиваюсь мимо него; Мэннинг отодвигает свой стул, встает и ведет меня к туалетам. Открывает дверь и выпускает внутрь.

– Я буду в коридоре, – предупреждает он, будто подозревая, что я задумал удариться в бег. Быстро киваю, после чего бросаюсь в кабинку, где добавляю содержимое своего желудка к мерзко пахнувшей желтоватой жидкости в унитазе.

Подозреваемый...

После всех этих лет.

Глава 9

Восемь лет назад

Кэти

Она заметила его, едва только войдя в «Энерджиз». Высокого, мускулистого, с темными волосами и такими пронзительно-синими глазами, что они приковали ее к месту с другого конца зала. Кэти даже услышала свой резкий выдох. Боже, да он просто великолепен! Новый инструктор? Время было не ее – обычно она выбирала ранние утренние занятия, перед работой, но время от времени откладывала их на более поздние часы. Денек выдался суматошный – как, впрочем, и каждый день в роли новоиспеченного фрилансера в попытках заполучить крупный пиар-заказ, за которым она безуспешно охотилась уже несколько месяцев, – и теперь хотелось немного расслабиться на занятиях йогой, прежде чем объявлять вечер закрытым. Может, он всегда приходил в это время и их пути просто впервые пересеклись?

Отведя глаза, Кэти взяла себя в руки и продолжила было идти куда шла. Но стоит ли игнорировать такую мгновенную связь? А вдруг она больше никогда его не увидит?

Развернувшись на каблуках, Кэти быстро направилась к нему. А что ей терять? У него наверняка уже кто-то есть – и ее, скорее всего, ждет унижительный щелчок по носу, – но она вообще не из тех, кто тщательно продумывает свои действия. Главный ее девиз – «лови момент».

– Привет, я Кэти, – сказала она, протягивая руку и широко улыбаясь. – Вы тут инструктор?

– Ну что ж, привет, Кэти, – отозвался он. Вблизи его глаза, с яркими искорками внутри, и вовсе производили гипнотический эффект. «Мужчина, который явно привык к всеобщему вниманию», – подумала она. Голос у него оказался глубоким, сексуальным. Кэти ощутила трепет в груди. Он взял ее за руку и крепко сжал, задержав чуть дольше положенного, отчего по всему телу у нее разлилось томное тепло. – Рад познакомиться. И нет, я не инструктор – просто хожу сюда поупражняться. Я Том.

Их взгляды встретились, и Кэти сразу растерялась. Теперь, уже заговорив с ним, она никак не могла придумать логичного, остроумного или даже просто ни к чему не обязывающего продолжения. Запнулась, опустила глаза, затем снова глянула на него из-под длинных ресниц. Ее отец назвал это «взглядом принцессы Дианы». Сама же Кэти терпеть не могла коронованных особ.

– Чем здесь занимаетесь? – спросил Том, спасая ее от дальнейшего смущения.

– Йогой. По-моему, это очень духовно. Подумываю и сама со временем стать инструктором.

Она и сама не поняла, зачем добавила это – об этой мечте до сих говорилось лишь друзьям, но никогда совершенно незнакомым людям. Том кивнул и улыбнулся. Зубы у него были идеально ровные – один из главных пунктов в заготовленном для предстоящих знакомств мысленном чек-листе Кэти, наряду с великолепными глазами и подтянутым телом. В этом смысле Том оказался на высоте – пожалуй, даже набрал максимальный итоговый балл.

Такого с Кэти еще никогда не случилось.

В свои двадцать четыре года она уже начинала думать, что просто обречена встречаться с одними лишь лузерами. Ее отец настолько разочаровался в ее выборе парней, когда она была подростком, что даже отказывался впускать их в дом. Но потом, похоже, разочаровался и в самой Кэти. Сбежал с какой-то пережаренной на солнце теткой, которую встретил в Испании после смерти матери, и с тех пор Кэти так его и не видела – получила лишь единственное письмо по «мылу», в котором ее ставили в известность, что он все еще жив-здоров и живет с этой теткой, которая именовалась в письме «моя маленькая мисс Солнышко». Хотя не стоило забегать вперед – вряд ли из этого знакомства с Томом выгорит что-то путное. Приглашения на свидание явно ждать нечего. Может, стоит самой пригласить его?

– Не сомневаюсь, что из вас выйдет отличный инструктор. – Том опять сверкнул ослепительной улыбкой. – Знаете, а я, скорее всего, еще буду здесь после ваших занятий йогой.

О божечки... Да он и вправду клюнул! Как знала, что это был правильный ход – представиться.

– Да? Ну что ж, если вам после этого захочется немножко освежиться, то, пожалуй, можно было бы пропустить вместе по стаканчику. – Ей понравилась собственная прямота, сходящая за уверенность в себе. Мужчинам нравятся уверенные в себе женщины.

– Отличная мысль! – Ухмыльнувшись, Том взял полотенце и стал вытирать блестящий пот с предплечий. Кэти проследила за его взглядом, наблюдая, как он медленно растирает его по своим бицепсам. – Я буду ждать, – добавил он, подмигнув.

Том

Несколько недель назад я увидел, как она входит в фитнес-центр «Энерджиз» с ковриком для йоги под мышкой. Я случайно оказался на противоположной стороне улицы, заглядывая в витрину магазина, и ее отражение в ней притянуло мой взгляд. А иначе и быть не могло. Я сразу понял, что хочу ее. К счастью, женщина, которая вела занятия йогой, оказалась подругой одного моего приятеля, и мне удалось выудить у нее кое-какую инфу, когда я отправился на свою обычную вечернюю тренировку. Оказалось нетрудно вызнать привычный распорядок Кэти – некоторое время я наблюдал за ней со стороны, ожидая подходящего момента, чтобы подвалить к ней. Но сегодня она застала меня врасплох. Поначалу я даже немного растерялся, но потом понял, что Кэти просто сделала всю работу за меня.

И это меня разожгло.

Глава 10

Бет

Сейчас

Когда я наклоняюсь, чтобы поднять утреннюю газету с пола в прихожей, глаза фокусируются на заголовке и мои внутренности превращаются в студень. МЕСТНЫЙ ЖИТЕЛЬ ПОДОЗРЕВАЕТСЯ В УБИЙСТВЕ. Господи, как им удалось так быстро заполучить эту историю? Тома даже не арестовали и ни в чем не обвинили, и все же вот они вам – распространяют откровенную брехню на своих страницах. Это наглая клевета. Швыряю газету на кухонную стойку и тычу пальцем в клавиатуру своего мобильного.

– Максвелл, это Бет Хардкасл, – говорю я и, не дожидаясь его ответа, продолжаю: – Послушайте, газеты распространяют злобную ложь – их даже не волнует правда. Том помогает полиции! Такого рода дезинформация погубит нас. Это им так просто не сойдет!

Не могу скрыть панику в своем голосе, хотя Поппи смотрит на меня широко раскрытыми глазами из-за кухонного стола. Делаю глубокий вдох и выхожу в коридор, прижимая горячий телефон к уху. Стараюсь говорить тихо и ровно.

– Seriously, Максвелл, как вы предлагаете мне защитить себя и Поппи от последствий всего этого? – Возможные варианты последствий сразу проносятся у меня в голове, подливая масла в огонь моей растущей тревоги. До сих пор я не задумывалась о том, что произойдет, если обо всем этом узнает пресса. – Наверняка вы ведь можете хоть что-то предпринять!

Запахавшись, наконец умолкаю и жду, когда он скажет мне, что подаст на них в суд за клевету, или подрыв репутации, или еще что-нибудь в этом роде. Но Максвелл тревожно затих.

– Бет, мне очень жаль, – медленно произносит он наконец. – Боюсь, что мы ничего не сможем сделать. Это не та ситуация...

– Невиновен, пока не доказано обратное, – вроде вот как все должно происходить? – огрызаюсь я. – Но в наши дни эти сраные журналюги хотят продавать газеты и распространять свою мерзкую ложь в интернете, просто чтобы увеличить свою читательскую аудиторию! Это отвратительно. Может, сейчас это освещает только местная пресса, но это до поры до времени. Том невиновен! Господи, он всего лишь помогает им в расследовании! Его даже не арестовали, не говоря уже о предъявлении обвинений...

– Вообще-то, Бет, вам лучше присесть.

Я замираю. Пытаюсь слотнуть, но не могу.

– Ч-что? Это еще зачем?

– Том задержан. Он находится под стражей.

* * *

Я здорово наорала на Максвелла – мол, это же полное безумие, что Том сейчас находится в тюрьме, и как они только могли подумать, что это он убил Кэти Уильямс? Том – и убийца?! Максвелл твердо заверил меня, что тех немногих улик, которые у них есть, явно недостаточно, чтобы предъявить ему обвинение, иначе они сразу это сделали бы. Настрой у него был вроде позитивный. Но, с другой стороны, это его работа. Он говорит мне то, что я хочу услышать. Вот за что ему платят несколько сотен фунтов в час – чтобы Тома с гарантией выпустили и он вернулся домой, ко мне и Поппи. Я напомнила ему об этом по крайней мере раз шесть до конца разговора.

Ну и как мне теперь работать весь день в кафе, зная все это? Все будут смотреть на меня. Осуждающе смотреть... О господи... Бедная маленькая Поппи... Как такое могло случиться? Всего пару дней назад все было просто замечательно. Не жизнь была, а мечта.

Страх выйти из дома – это не то чувство, которое мне хорошо знакомо. Но сейчас, когда я стою в конце нашей дорожки, сжимая крошечную ручку Поппи в своей, пульс у меня скачет и запинается, как автомобильный мотор морозным утром. Высовываю голову из калитки и опасно оглядываю дорогу в обе стороны, прежде чем мы выходим.

– Ты во что-то играешь, мамочка? – Поппи хихикает.

Внезапно во мне вспыхивает горячий гнев. Мы призваны защищать ее – обеспечить ей безопасность, любовь и заботу. Как бы мне хотелось, чтобы Том сейчас оказался здесь, чтобы можно было как следует наорать на него! Я в ярости на него за то, что он поставил нас в такое положение, и держать это в себе выше моих сил. Я должна поговорить с Томом, мне так много нужно у него спросить... Но когда у меня будет такая возможность? Да и будет ли вообще? С такой силой вдыхаю через нос, что щиплет в ноздрях. Поппи опять смеется, думая, что все это часть игры.

– Ты дракон? – спрашивает она.

Я и вправду чувствую себя так, будто из моего носа и рта в любую секунду может вырваться пламя – и, конечно же, я достаточно разгневана.

– Да, я злой дракон, и я хочу получить свой ЗАВТРАК!!! – Выдавив из себя эту шутку, наклоняюсь и щекочу Поппи под ребрами. Она визжит от восторга.

Мы идем дальше, в сторону садика; голова моя опущена, чтобы не попадаться никому на глаза. Эту часть мне неизбежно предстоит пройти – поскорей бы с ней разделаться.

Глава 11

Том

Сейчас

Теперь, когда меня проводят в большую комнату для допросов и сажают за угловатый стол у задней стены, напротив меня рядом с детективом-инспектором Мэннингом сидит совсем другая личность. Я уже на взводе – эта новая личность пристально смотрит на меня, ее серо-стальные глаза не мигают. Первым отвожу взгляд и сразу понимаю, что провалил ее тест. «Вот черт...» Чувствую, что она улыбается, даже не глядя на нее.

Что она здесь делает? И куда девался детектив-сержант Уолтерс? Я был готов к нему, а не к этой молодой самодовольной тетке, которая явно считает себя какой-то особенной штучкой.

– Доброе утро, Том. Как спалось? – говорит инспектор Мэннинг, не отрываясь от открытой папки перед собой.

Презрительно фыркаю, и в этом весь мой ответ. Максвелла еще нет, и я не произнесу ни слова, пока он не окажется рядом со мной. Мэннинг наконец переключает внимание на меня, откидывается на спинку стула и сцепляет пальцы на животе.

– Это детектив-констебль Купер, – сообщает он, мотнув головой влево. – Моя коллега из отдела убийств и особо тяжких преступлений.

Сердце у меня начинает бешено колотиться. Теперь уже два детектива из лондонского отдела по расследованию убийств! Выходит, они и вправду думают, что у них есть что-то существенное? Стараюсь не напрягаться по этому поводу, поскольку Максвелл сказал мне, что при обязательном предоставлении материалов дела они не указали характер *абсолютно всех* имеющихся против меня улик – что, по его опыту, указывало на то, что эти улики были слабыми, а детективы просто «ловили рыбку в мутной воде».

«Так что на все вопросы отвечай, что предпочитаешь воздержаться от ответа».

Стоит ли доверять опыту Максвелла? Именно по этой-то причине я его и привлек, так что, наверное, все-таки стоит. Но мой разум расколот надвое.

Детектив-констебль Купер изображает то, что, как я могу лишь предположить, должно сходиться за улыбку – ее тонкие губы вытягиваются в прямую линию, но все остальное лицо остается совершенно неподвижным. Может, дело в ботоксе, к которому дамы в наши дни прибегают еще задолго до появления морщин, отчего ее лицевые мышцы лишились подвижности, и в итоге она может только так вот гримасничать? Теперь уже я заставляю себя поддерживать зрительный контакт с ней. Она примерно моего возраста, однако комфортней мне из-за этого не становится. Довольно симпатичная, хотя отнюдь не красавица – как говорится, ничего такого выдающегося. Чистая бледная кожа, ноль макияжа, россыпь веснушек на носу, прямые как палка светло-рыжие волосы, спадающие на плечи... Ее лицо мало что выражает – не могу прочесть, о чем она думает. Ерзаю на своем стуле и поглядываю на закрытую дверь. Где же Максвелл?

– Так как спалось? – произносит детектив-констебль Купер.

Теперь, когда меня спросили дважды, пожалуй, уже стоит хоть что-то ответить.

– Приходилось мне останавливаться и в более приятных местах, – говорю я. – Не ждите от меня даже одной звездочки в «Трипэдвайзере»⁹. Больше я в эту ночлежку ни ногой.

⁹ «Трипэдвайзер» (англ. Tripadvisor) – крупнейший в мире интернет-ресурс для путешественников, в котором пользователи могут оставлять отзывы о посещенных местах (в первую очередь отелях), оценивая их по шкале от одной до пяти звезд.

– Ну, это мы еще посмотрим, – отзывается она, не отрывая от меня взгляда. Задаюсь целью переглядеть ее. Хотя сейчас, пожалуй, не время так вот борзеть – стоит придержать лошадей.

Наконец дверь открывается и входит Максвелл.

– Ладно. Тогда давайте перейдем к делу, хорошо? – говорит детектив-инспектор Мэннинг, выпрямляясь в кресле и перебирая бумаги в папке на столе.

– Держись пока? – спрашивает меня Максвелл, снимая пиджак и вешая его на спинку стула.

Пожимаю плечами. Это не так, но я не хочу обсуждать эту тему. Когда вчера меня официально задержали, взяли образцы ДНК и сняли отпечатки пальцев, это стало для меня натуральным шоком. Сделало все очень реальным. Заснуть мне так и не удалось – не только из-за неудобной кровати и унылой обстановки, но и потому, что мой разум никак не мог угомониться. Лицо Кэти, каким я видел его в последний раз, смешалось у меня в голове с лицом Бет. Поговорить с Бет мне так и не удалось, но Максвелл пообещал мне, что позже обязательно к ней зайдет. Мы уже договорились, сколько он может ей рассказать, – не одним только детективам позволено придерживать информацию. Надеюсь, что у нее все в порядке.

И у моей маленькой Поппи. Что скажет ей Бет?

Я никогда еще не оставлял их обеих так надолго. А что, если меня отнимут у них навсегда? Как они это вынесут? Я – это все, что у них есть.

При этой мысли я начинаю терять контроль над своим дыханием. Сейчас надо сосредоточиться на текущем моменте, на этой комнате. Дышать помедленней. Я уже множество раз перебирал в голове вопросы, которые, на мой взгляд, мне могут задать. В точности восстановил свои воспоминания восьмилетней давности и отрепетировал историю, которую мне нужно им поведать.

«Не позволяй им торопить себя, заставлять волноваться».

«Сохраняй спокойствие. Давай только хорошо обдуманые ответы».

«Или говори, что предпочитаешь воздержаться от ответа».

Однако, несмотря на совет Максвелла, я по-прежнему хочу по возможности избежать этого варианта. Хранят молчание лишь те, кто виновен. Невинные – и умные – уверенно и без запинки отвечают на любые вопросы.

Включается запись. Нас официально представляют друг другу.

Допрос начинается.

Глава 12

Восемь лет назад

Кэти

– Да ладно тебе, Кэти! Мы это уже с тобой обсуждали, – сказал Том.

Кэти хотелось решительно ответить, что нет, не было такого! Да, он говорил об этом, и о том, как к этому относиться. Сказал, как им надо поступить, а как поступать не следует. Но ничто из этого не было обсуждением, в котором Кэти принимала бы активное участие.

Как это давно уже стало привычным.

Они были вместе уже почти четыре месяца, и в самом начале все шло просто идеально. Том был без ума от нее, и она наслаждалась его вниманием. Все не могла поверить в свою удачу – что она, Кэти Уильямс, стала подружкой потрясающего красавца Тома Хардкасла. Однако блестящие отношения начали понемногу терять свой блеск. В последнее время он стал натуральным занудой – постоянно требовал, чтобы она была только с ним, не позволял ей общаться со старыми друзьями и знакомыми.

– Том, малыш, если ты помнишь, я была против твоего плана. Мы всегда всем курсом ходим праздновать Майский день¹⁰ – это наша старая традиция...

– Да ладно тебе; нам обоим прекрасно известно, что никому и дела нет до этого Майского дня... Всем просто нужен повод, чтобы повидаться и перепихнуться с кем-нибудь, как в старые добрые времена. Теперь у тебя есть я. Разве ты не предпочла бы провести праздничный день в моей компании, а не со своими бывшими однокурсниками? Я все спланировал: пикник в парке – с шампанским, не меньше! – потом романтическая прогулка по Риджентс-каналу и... особый сюрприз... – Тут Том схватил Кэти за руку и со смехом закружил ее на месте, как в танце. – Правда, детка, тебе это понравится! Просто жду не дожусь, чтобы отдать его тебе.

Кэти наконец сдалась.

– Ну ладно, ладно... – произнесла она. – Я всем напишу и объясню, что мой потрясный парень собирается преподнести мне сюрприз и что мы организуем встречу как-нибудь в другой раз.

– Ах ты моя девочка! – улыбнулся он.

Вытащив свой мобильник из сумочки, Кэти принялась набирать эсэмэску. Том сидел рядом, внимательно наблюдая за ней. Она даже слегка отвернулась, чувствуя себя неловко из-за того, что он заглядывает ей через плечо – как будто не верит, что написано будет именно то, о чем договаривались. Кэти нажала на «отправить», сунула телефон в карман, и Том отодвинулся. Плечи у Кэти поникли. Она так ждала этой встречи со своими однокурсниками!

– Кофе? – спросил он.

– Давай.

Кэти посмотрела, как он исчезает на кухне, прежде чем опять вытащить телефон и по-быстрому отправить еще одно сообщение – Айзеку, с извинениями за отказ от их обычных планов. До Тома он был единственным человеком, которому она всегда доверяла. Но, похоже, Айзек ей больше не нужен.

Если верить Тому, теперь он сам является всем, что ей когда-либо потребуется.

¹⁰ *Майский день* (англ. May Day) – праздник весны с уличными парадами и народными гуляньями, который отмечается в Великобритании в первый понедельник месяца.

Том

Мне очень хотелось провести время с Кэти. Только она и я, а не ее недоразвитые дружки и подружки. Почему ее по-прежнему тянуло тусоваться с ними, было выше моего понимания. Я убил столько времени на организацию идеального романтического дня для нее... Не какой-нибудь там разгульной пьяной вечеринки, как у всяких малолетних балбесов. Студенческие годы у них уже давно позади – и долго они собираются вести себя подобным образом?

Я не соврал, когда сказал ей, что у меня есть сюрприз. Я собирался показать этой ее компашке, как с данного момента все будет происходить.

Глава 13

Бет

Сейчас

Они не могут скрыть шепотки за приложенными ко рту ладонями. Может, мы и в детском садике, но мы взрослые люди – и я знаю, что шепчутся они обо мне. Вернее, о Томе. Мне нужно прямо сейчас решить, как себя вести. Можно сделать вид, будто абсолютно ничего не случилось, – поначалу я склоняюсь именно к этому. Тем более что все это может очень скоро благополучно разрешиться. Максвелл сказал, что полиция имеет право задерживать Тома без предъявления обвинения не более двадцати четырех часов, которые истекают в восемь вечера, но при этом он считает, что они будут ходатайствовать о продлении срока. Я обратила внимание, что Максвелл не стал особо вдаваться в подробности, но мой разум впал в такой ступор, что я просто не сумела задать ему какие-то внятные вопросы. О таких вещах я знаю только из телика – из «Двадцати четырех часов в полицейском участке»¹¹. И в курсе, что в случае тяжкого преступления полиция имеет право задерживать людей и дольше, чем на сутки, если есть на то веские основания. Единственной полезной информацией, которую я вынесла из нашего одностороннего разговора с Максвеллом – и единственным проблеском надежды, – стало то, что если даже полиции удастся вытребовать максимальные девять часов на то, чтобы предъявить Тому обвинение, то при отсутствии достаточных доказательств по истечении данного срока они обязаны освободить его.

Как бы Максвелл ни надеялся на такой исход, всегда есть вероятность, что он ошибается и Тома так и не выпустят. Мне нужна уверенность в том, что я сумею защитить себя и Поппи, как говорится, «здесь и сейчас». Я не настолько наивна, чтобы думать, будто могу просто спрятать голову в песок, – прекрасно понимаю, что будет неразумно и невыгодно игнорировать происходящее. Мне нужно собраться с силами и смело предстать перед лицом всех этих мамаш.

Поцеловав Поппи на прощание и передав ее воспитательнице, направляюсь к шушукующимся родительницам. Их лица застывают при моем приближении – все отводят глаза в разные стороны, чтобы не встречаться со мною взглядом.

– Доброе утро, – спокойно и негромко приветствую я их. Печально улыбаюсь, но тут же теряю контроль над собой и закрываю руками вдруг сморщившееся и залитое слезами лицо.

– Господи, Бет... – Какая-то женщина, чье имя я не могу вспомнить, подбегает и кладет мне руку на плечо. – Вы в порядке? Мы просто не могли не слышать, что...

Чувствую на себе другие руки, поглаживающие мне спину и плечи, пока меня осторожно выводят на улицу. Несколько обнадеживающих голосов перебивают друг друга.

– Это так ужасно, что я не могу... – Судорожный всхлип не дает сформироваться остальным моим словам.

– Вы сейчас в свое кафе? – спрашивает Джулия, мать тройняшек. – Мы вас проводим. Пошли.

И меня тащат прочь от садика в сторону «Поппиз плейс». Я нахожусь в самом центре банды местных мамаш – на данный момент я полностью защищена.

¹¹ «24 часа в полицейском участке» (англ. 24 Hours in Police Custody) – британский документальный телесериал, рассказывающий о работе уголовной полиции Бедфордшира.

* * *

Войдя в кафе, пятеро мамочек усаживаются за самый большой круглый стол в глубине помещения, а я занимаюсь приготовлением латте. Люси вопросительно смотрит на меня, изогнув правую бровь.

– Я что-то пропустила? – спрашивает она.

– Ну, если ты спрашиваешь, то да, так и есть.

– Ты вообще как? Что-то ты как в воду опущенная... – Беспокойство искажает ее тонкие черты. – С Поппи все в порядке?

Шипение штуцера, подающего пар в молоко, на пару минут препятствует продолжению разговора. Когда напитки готовы, кладу руку на запястье Люси и говорю ей, что полностью введу ее в курс дела после того, как все уйдут, хотя в двух словах: Тома отвезли в полицейский участок Банбери, чтобы помочь полиции в каком-то расследовании. Рот ее изумленно округляется, но она быстро приходит в себя, коротко кивает мне и сочувственно улыбается.

– Прошу вас, дамы. За счет заведения. – Ставлю поднос с латте на стол и, неуверенно улыбаясь, подсаживаюсь к ним.

– Итак, Бет, как ты себя чувствуешь? – тут же захлебывается словами Элли. – Должно быть, это был натуральный шок! Я хочу сказать... Том? Неужели они и вправду думают, что он способен причинить вред этой бедной девушке?

– В газетах сплошь вранье, – решительно говорю я. – Понятия не имею, с чего они взяли, что им это сойдет с рук. Честно говоря, сегодня утром я даже не хотела выходить из дома!

Слезы опять туманят мне зрение. Вновь чувствую на себе сочувствующие руки, когда опускаю голову на ладони на столе и позволяю вырваться рыданиям.

– О, милочка, все мы стоим за вас горой. Постарайтесь не волноваться. Они ведь не предъявили ему обвинения, верно? – спрашивает Джулия.

– Нет. И как только они поймут, что он не имеет абсолютно никакого отношения к исчезновению этой девушки, то отпустят его, я в этом абсолютно уверена. Но все равно люди будут говорить, что дыма без огня не бывает. О нем написали *в газете*! Его имя запятнано, как теперь и мое. Чертовы журналюги! Это может разрушить нам жизнь. – Еще один всхлип сотрясает мое тело.

– Послушайте, что бы ни случилось, все любят это кафе – вы проделали такую потрясающую работу, и люди все равно будут и дальше приходить сюда. Конечно, пойдут сплетни, это неизбежно. Но правда все равно восторжествует! – театральным тоном провозглашает Джулия, словно произнося речь в суде. – Это не остановит клиентов, входящих в эти двери, и я обещаю, что вас с Поппи обязательно поддержат.

Это самое продолжительное и содержательное общение, какое только было у меня с клубом местных мамаш за те два года, что я здесь живу. Но все это замечательно – вся эта поддержка и сочувствие, – только пока они думают, что Том невиновен. Они могут столь же быстро наброситься на меня и сожрать, если произойдет худшее и ему предъявят обвинение.

«Этого не будет», – говорит голос в моей голове.

К счастью – по крайней мере, сейчас, – вроде как зря я настолько боялась с утра выйти из дома. У нас с Поппи пока все путем. А если Максвелл должным образом выполнит свою работу, Тома скоро освободят, и вся эта история останется разве что в деревенских сплетнях. Сплетнях, которые быстро переключатся на что-нибудь еще. И, вообще-то говоря, наконец-то я стала достаточно интересна местной публике, чтобы быть допущенной в тот тесный дамский кружок, в который мечтала проникнуть с тех самых пор, как переехала в Лоуэр-Тью. В конце концов, шокирующее задержание Тома все-таки принесло с собой и что-то позитивное.

* * *

Медленно тянется день, а в голове все продолжает прокручиваться недавний разговор с мамашами из детского садика. Пытаюсь занять себя – протираю столики, надраиваю до блеска стойку, аккуратно расставляю чашки, – но считаю минуты до того, как настанет время уходить, чтобы забрать Поппи из садика. Вдруг в кармане фартука начинает вибрировать мобильник. Протягиваю руку, чтобы достать его, но тут же отдергиваю ее. Безответственно игнорировать звонок, но мысль о том, какие новости он может принести, наполняет меня ужасом. Ничего, если так уж надо – перезвонят. Разберусь с этим позже.

Рассказываю Люси о том, что произошло. Не слишком подробно – примерно так же, как и в случае с Джулией и остальными. Самый минимум, чтобы удовлетворить ее любопытство, не более того.

После этого Люси выглядит притихшей и до конца дня почти со мной не заговаривает. И ничего не напевает, что на нее совершенно не похоже. Поначалу мне подумалось, что просто из вежливости – что ей не хочется казаться чрезмерно счастливой или веселой после моих новостей. Но потом начинаю чувствовать, что за этим кроется нечто большее.

Уже собираясь уходить, говорю:

– Что-то ты сегодня какая-то необычно молчаливая, Люси... У тебя всё в порядке?

– Все нормально, – коротко отвечает она, не глядя мне в глаза.

Не хочу давить на нее. Во мне начинает копошиться червячок беспокойства. Люси явно нервничает. Почему?

Но сейчас у меня нет времени в это углубляться. Пока натягиваю куртку, она слабо улыбается мне и прощается до следующего утра. Ухожу с каким-то неловким чувством – и никак не могу выбросить из головы крепко засевшую в ней мысль: Люси не верит, что Том невиновен.

И у меня такое ощущение, что не она одна.

Глава 14

Бет

Сейчас

Выйдя из кафе, наконец достаю телефон. Звонил Максвелл – судя по всему, не один раз. И еще отправил несколько сообщений с просьбой срочно связаться с ним. Находится также пропущенный звонок с какого-то скрытого номера. Может, это от Тома? Не знаю, есть ли у него возможность пользоваться телефоном, или что именно я хотела бы ему сказать, если б ему разрешили. Это если я вообще захочу с ним разговаривать – что бы ни происходило, у полиции *явно* что-то на него есть, иначе б его не задержали. И если я все-таки заговорю с ним, в моих словах будут звучать гнев, огорчение и обида, а не поддержка, в этом я не сомневаюсь. Но если я не сделаю этого прямо сейчас, то понятия не имею, когда у меня появится такая возможность.

Глаза сами собой смотрят в землю, но я стараюсь взять себя руки. Быстро шагая по улице, заставляю себя держать голову прямо, независимо оглядываясь по сторонам. Коротенький маршрут до садика проходит как раз мимо дома, и я размышляю, не стоит ли мне туда заскочить – чтобы перезвонить Максвеллу без посторонних ушей. Нет, не стоит. Пройду-ка мимо. Пусть реальность еще хотя бы чуть-чуть побудет под замком – боюсь услышать то, что он хочет мне сообщить. Сильный ветер вздымает опавшие листья, студеной воздух бьет в лицо. Мои длинные каштановые пряди падают мне на глаза, и когда я смахиваю их с лица, сразу вижу то, что впереди.

Резко останавливаюсь.

На дорожке перед моим коттеджем – множество беспорядочно припаркованных автомобилей с распахнутыми дверцами, словно брошенных в спешке.

Полицейских автомобилей.

Содрогаюсь всем телом, когда застываю на месте, уставившись на эту сцену. Заставляю свои враз ослабевшие ноги двигаться в ту сторону.

Что, черт побери, происходит?

Позади меня с визгом тормозов подкатывает еще одна машина. Быстро оборачиваюсь, почти надеюсь, что сейчас она собьет меня, но автомобиль резко останавливается. Ругаю себя за то, что вообще допускаю подобные мысли. Поппи нуждается во мне.

С места водителя едва не вываливается Максвелл, лицо у него свекольно-красное.

– Я уже вам обзвонился!

Голос его суров. Сперва я оскорблена тем, что он меня так вот отчитывает, и хочу сказать, что сегодня у меня было полно дел и что я как раз собиралась перезвонить ему, но ситуация явно серьезная, так что придерживаю язык. Хлопнув дверцей, адвокат пронесется мимо меня к полицейским в форме, стоящим у входа в мой дом. Они обмениваются несколькими словами, после чего вижу, как к нему подходит элегантно одетая женщина с прямой осанкой и рыжеватыми светлыми волосами. Она показывает ему листок бумаги, который он вырывает у нее из рук, несколько секунд изучает, а затем возвращает ей и направляется ко мне. Я почти не двигаюсь. Глухо колотит пульс, когда Максвелл сообщает мне, что у полиции есть ордер на обыск, позволяющий изъять и вывезти все, что может иметь отношение к обвинению в убийстве. Оцепенело отдаю свой ключ.

Что они рассчитывают найти?

Глава 15

Том

Сейчас

– Спрашиваю еще раз, – говорит детектив-инспектор Мэннинг, и на его красном лице ясно написано раздражение. – Где вы находились? Мы знаем, что на работе вас так и не было.

– Предпочитаю воздержаться от ответа.

Просто не могу поверить, что только что произнес эту фразу! Хочется опустить голову, дать себе хорошую пощечину. Слово «виновен» так и стучит у меня в голове. Господи, если б я следил за этим допросом по телевизору в безопасном уюте своей гостиной, то был бы почти готов запустить пультом в экран! В свою собственную дурацкую физиономию. Но не думаю, что у меня есть какие-то другие варианты – Максвелл непреклонен касательно того, что с этого момента мне следует наглухо заткнуться, и хотя я пошел против его предыдущего совета, теперь это кажется лучшим и единственным выходом. Больше нельзя давать им ничего, что они могли бы использовать против меня.

– На записях с камер наблюдения на вашей обычной железнодорожной станции вас нет, и коллеги по работе ничего не знали о вашем местонахождении. Вы не слишком-то откровенны касательно того, были ли у вас какие-то другие встречи. – Детектив-констебль Купер просматривает какой-то список. – Неважно все это для вас выглядит, Том: вся эта таинственность на следующий день после того, как вас допросили касательно Кэти Уильямс, лишь подливает масла в огонь. Если вы решите сейчас сотрудничать, это будет воспринято более благосклонно, чем ваши упорные отказы отвечать. Все эти дурацкие «предпочитаю воздержаться от ответа» заранее выставляют вас виновным.

Ее холодные глаза глубоко впиваются в мои. Интересно, есть ли у нее сожитель или сожительница? Обручального кольца на ней нет. Меня ничуть не удивило бы, если б она оказалась холостой и жила одна, в компании разве что кошки – если она вообще когда-нибудь уходит отсюда домой. Одинокая. Озлобленная на весь белый свет. Мужика бы ей нормального... Отворачиваюсь от нее.

– Свидетельства против вас громоздятся как снежный ком, Том. Наши сотрудники уже побывали в вашем доме и обыскали его. Сколько поставите на то, что теперь у нас есть еще больше улик, чтобы добавить их к вашему делу? – Мэннинг похлопывает по толстой картонной папке, лежащей перед ним. Не исключено, что внутри лишь чистые листы офисной бумаги – еще один их фокус, чтобы заставить меня говорить, – но его слова вызывают у меня жжение в животе. Копы рылись в моих вещах? Бродили по моим комнатам, копались в вещах Бет и Поппи, складывали их в пакеты без всякой причины? Ноздри у меня раздуваются, когда я пытаюсь контролировать свое дыхание. Сжимаю кулаки под столом, до боли вдавливая их в бедра.

– Что, задело за живое? – Это подает голос детектив-констебль Купер. – Заволновались насчет того, что мы могли найти? Поскольку могу предположить, что вы довольно долго не вспоминали о Кэти Уильямс, пока детектив-инспектор Мэннинг не постучал в вашу дверь. Вы наверняка решили, что вам это сошло с рук. Стали излишне самодовольным в своей идиллической жизни с красавицей женой и дочкой. Вы, конечно, не ожидали, что то, за что вы избежали правосудия восемь лет назад, вдруг вновь поднимет голову и сейчас доставит вам большие проблемы, так ведь? А значит, вы не были настолько дотошны, как следовало бы – вас убаюкало ложное чувство безопасности. Так что, готова поспорить, вы оставили важные улики. Вещи, которые считали несущественными, вещи, значение которых, как вы думали,

могли знать только вы – и которые мы могли обнаружить и собрать воедино только сейчас. Вы удивитесь, насколько незаметным и безобидным может что-то выглядеть, пока у вас не появляется возможность добавить что-то еще. Когда картина начинает понемногу складываться.

«Заткнись, заткнись, заткнись!» Мне приходится сильно прикусить внутреннюю сторону щеки, чтобы не дать этим словам вырваться наружу. Ханжеская сука! Почему Мэннинг позволяет ей взять инициативу на себя? Вроде ведь это он тут начальник? Кишки в животе завязываются узлом от ее слов. Свой рабочий ноутбук я выбросил, но так и не сумел найти свой планшет – выбежал из дома утром во вторник в спешке и предположил, что отыщу его позже, только вот они добрались до меня раньше, чем я сумел это сделать. Вот же скотство...

Если б Бет была дома, когда тем вечером я позвонил из полиции, то, возможно, удалось бы уговорить ее избавиться от него ради меня. Хотя это само по себе вызвало бы целый ряд других проблем...

– Вам тоже интересно, *что* нашим техническим специалистам удастся извлечь из вашего телефона или домашнего компьютера? Когда вы в последний раз связывались с Кэти? Подтвердят ли ваши электронные письма ваше утверждение, что она отправилась путешествовать?

Открываю было рот, чтобы разразиться ответной тирадой, но перед лицом взлетает рука Максвелла – предупреждение. Шиплю сквозь стиснутые зубы уже привычные слова: «Предпочитаю. Воздержаться. От. Ответа». По лицу у меня стекает капля пота, и я пытаюсь смахнуть ее так, чтобы они этого не заметили. Хотя эта сука, Купер, – та все подмечает. Она откровенно ухмыляется, и у меня возникает желание врезать ей по физиономии. Смотрю мимо нее, сосредоточившись на стене позади. Представляю себе Бет, Поппи и самого себя – счастливую семью в нашем идеальном загородном коттедже. У меня все это опять будет. Если я буду сохранять хладнокровие.

Если они ничего не найдут на моем планшете.

Если они не выяснят, где я на самом деле был во вторник.

Глава 16

Бет

Сейчас

Рыжеватая женщина, которую я уже видела, нетерпеливо стоит у моей входной двери, пока я иду по дорожке к крыльцу. Поппи крепко сжимает мою руку. Или это я слишком крепко держу ее за руку.

– Миссис Хардкасл, – обращается ко мне эта женщина, – я детектив-констебль Имоджен Купер, восьмая спецгруппа отдела по расследованию убийств и особо тяжких преступлений, работаю с инспектором Мэннингом. Вот ваш ключ. – Купер протягивает мне руку. – Я все закрыла... как раз собиралась идти искать вас, – добавляет она, роняя ключ мне на ладонь.

Имоджен Купер миниатюрна, но держится уверенно, пружинисто выпрямившись, и я готова поспорить, что она покрепче, чем кажется. Впрочем, неудивительно при такой работе.

– Ну, теперь уже в этом нет нужды. – Сжимаю ключ в кулаке и пытаюсь пройти мимо нее.

– Сожалею... – Она встает передо мной, загораживая дорогу. – Я понимаю, что это больше похоже на бесцеремонное вторжение... Но, боюсь, мы были вынуждены так поступить.

– Конечно, – машинально отзываюсь я. Вообще-то не хочется обсуждать эту тему при Поппи. – И как... э-э... как там внутри?

Киваю в сторону коттеджа.

– О, на данный момент мы взяли все, что нам нужно. Старались, чтобы это не выглядело так, будто там пронеслось стадо слонов, но, сами понимаете... – Купер неловко улыбается.

Просто замечательно! Значит, в доме полный кавардак. И слова «на данный момент» звучат довольно зловеще.

Качаю головой и шумно вздыхаю.

– Максвелл Филдинг еще не говорил с вами?

– Нет, пока нет. Я очень спешила забрать Поппи.

– Понятно... – Детектив-констебль Купер засовывает руки в карманы брюк и опускает взгляд на Поппи. – Мы немножко поиграли в вашем доме, – говорит она ей, пытаясь улыбнуться. – Прости, но мы, наверное, устроили небольшой беспорядок, так что твоей маме придется слегка прибраться. Взрослые не всегда умеют убирать вещи на место – среди них тоже попадают неряхи.

Купер поднимает голову и встречается со мной взглядом, отчего пульс у меня учащается. Наконец отступает в сторону, и я пользуюсь случаем, чтобы прошмыгнуть к двери. Закрывая ее за собой, слышу, как она говорит:

– До скорой встречи!

Мгновение стою, привалившись к двери спиной и пытаюсь оценить ситуацию. Руки-ноги дрожат.

Судя по тому, как она себя вела, и по тому, что сказала, могу лишь предположить: они нашли то, что искали.

Глава 17

Бет

Сейчас

Жуткое чувство – знать, что полицейские толклись в моем доме, в моей спальне, трогали мои вещи... У меня не было времени торчать поблизости и наблюдать, как они выходят с пластиковыми пакетами, полными вещей Тома – а может, даже и моих собственных. Мне пришлось уйти, чтобы забрать Поппи из садика. Хотя по-любому лучше было бы не смотреть. Только переживала бы насчет того, что они ищут и что найдут.

Не могу с ходу сказать, что они взяли, – все комнаты пребывают в разной степени разгрома. Все, что я могу сказать, пробежавшись по дому, это что обыск был проведен тщательно. Надеюсь, из этого следует, что они больше сюда не вернуться, несмотря на прощальные слова Купер. К счастью, замечаю, что в комнате Поппи они были не столь неаккуратны. Мечусь по ней, поправляю игрушки на ее кровати, закрываю ящики и шкафы. Подбираю кое-что из ее разбросанной одежды и быстро складываю обратно в шкаф. Пока сойдет и так.

В нашей спальне царит куда больший хаос, как и на кухне. Стационарный компьютер исчез, и я нигде не вижу планшет Тома – впрочем, ничуть не сомневалась, что их изымут первым делом. Тем не менее по моему телу пробегает крупная дрожь. Ситуация на глазах ухудшается, и я боюсь, что меня потащит вслед за Томом – затянет в закручивающийся гибельный водоворот. Мне нужно всерьез подумать о том, что я могу сделать, дабы предотвратить полное уничтожение моей семьи. Насколько я знаю, у них до сих пор нет тела Кэти Уильямс, поэтому не понимаю, как у полиции хватило улик, чтобы связать Тома с ней и держать его под стражей. Максвелл явно не рассказывает мне всего до конца, но, по его словам, все, что у них имелось до сих пор, довольно шатко. Однако этого, судя по всему, достаточно, чтобы продолжать расследование. И достаточно, чтобы присяжные приговорили Тома к пожизненному заключению? Пока что не могу себе такое представить. Если они еще не нашли тело Кэти и каким-то образом не связали с ним Тома, – хотя бог знает каким образом его с ним можно связать, – тогда, конечно, дело рассыплется. Надо исследовать похожие случаи, посмотреть, чем кончилось дело для тех, кого обвиняли в убийстве при отсутствии тела.

Быстро покормив Поппи и сама наскоро подкрепившись ужином из микроволновки, укладываю Поппи спать и спускаюсь вниз, чтобы продолжить уборку на кухне. С гостиной и прихожей я управилась в течение получаса после возвращения домой; подсобные помещения и остальная часть верхнего этажа – следующие в списке. Когда убираю документы обратно в ящик, отведенный для счетов за коммунальные услуги и другой важной почты, вдруг обнаруживаю отсутствие кое-каких банковских выписок. У нас с Томом общий банковский счет, но у него имеется еще и собственный, отдельный. Он всегда был у него, и хотя я закрыла свой, когда мы поженились, мы сохранили его – просто на всякий пожарный. Насколько я помню, в последний раз этот счет использовался, когда я покупала муфельную печь для «Поппиз плейс», поскольку у меня закончились деньги из-за каких-то неожиданных проблем с электропроводкой. Хоть убей не пойму, каким образом какие-то недавние выписки, в которых, скорее всего, даже не указаны никакие транзакции, могли помочь полиции с тем, что произошло восемь лет назад.

И тут из этих мыслей меня вырывает стук в дверь.

Глава 18

Бет

Сейчас

Максвелл сидит напротив, положив локти на кухонный стол и пристально глядя на меня своими большими янтарными глазами. Мои руки крепко сцеплены перед подбородком; пальцы краснеют, пока я все крепче сжимаю их, ожидая, когда же он «введет меня в курс дела».

– Боюсь, Бет, что полиции разрешили продлить срок содержания вашего мужа под стражей. Я предупреждал вас, что такое может произойти, и, конечно, боролся против этого, но после обыска чего-то подобного и следовало ожидать.

– Ничего не понимаю, Максвелл... – Качаю головой, затем опускаю подбородок на сложенные чашечкой руки. Он не дает мне полной картины, я это знаю. Только вот что конкретно недоговаривает? – Я думала, что сегодня к вечеру Тома отпустят и он вернется домой.

– Да, я знаю и очень сочувствую. – Вид у него усталый, и можно не сомневаться, что ему тоже выдался тяжелый день. – Ситуация далеко не идеальная. Плюс завтра с утра они могут запросить в суде дальнейшее продление до максимальных девяноста шести часов. Но в любом случае инспектор Мэннинг и констебль Купер захотят допросить вас, Бет. Так что вы должны быть к этому готовы.

Говорит он мягким спокойным голосом, явно предназначенным для расстроенных родственников и обезумевших супругов. Людей вроде меня.

У меня пересыхает во рту, язык прилипает к нёбу. Делаю глоток воды из своего стакана. Я приготовила Максвеллу кофе, но сама даже смотреть на кофе не могу. Хотя доза кофеина после столь невероятно долгого дня – вроде бы самое то, не хочу всю ночь маяться от бессонницы.

– Ладно, – говорю я, пытаюсь оправиться от неожиданно свалившихся дурных вестей. – Пускай так. Хотя не пойму, что, по их мнению, я могу добавить. Он ведь, конечно же, уже все им рассказал?

– Они будут спрашивать, что вы знаете о Кэти Уильямс – что вам о ней рассказывал Том. – Максвелл пропускает мой вопрос мимо ушей, и мне остается только гадать, что же все-таки поведал им Том. – А еще они захотят получить представление, что являет из себя Том как личность. Отвечайте на их вопросы по возможности без особых подробностей.

– Без особых? Почему? Не лучше ли будет отвечать как можно подробнее?

– Нет. Чем больше информации вы им дадите, тем длинней у них будет веревка, чтобы его повесить.

Откидываюсь на спинку стула, у меня отвисает челюсть.

– О, простите, – быстро говорит Максвелл. – Неудачный выбор слов. Но вы поняли, что я имею в виду. Отвечайте просто «да» и «нет», где это возможно, а при любых описаниях старайтесь побыстрее закругляться. В противном случае вы рискуете сказать что-то, что может его уличить.

– Правда? Например? Я ничего не понимаю, Максвелл... Если он невиновен, ничто из того, что я скажу, на нем никак не скажется.

– Это не совсем так. Они считают, что Том замешан в исчезновении Кэти – а предположительно и в убийстве, – так что какие-то мелочи, которые вы всегда считали несущественными, будут буквально рассмотрены под микроскопом. В ретроспективе что-то совсем незначительное может выглядеть как весьма значительный факт. Все зависит от того, под каким углом следственная группа на все это посмотрит. Понимаете меня?

– Наверное, – говорю я, на самом деле абсолютно ничего не понимая.

– Держите это в голове. В одном недавнем уголовном деле супружескую пару подозревали в убийстве их ребенка, что они оба упорно отрицали. Утверждали, что, мол, нашли его утром в кровати и не смогли разбудить. Во время допроса в полиции мать говорила без умолку и, пытаясь дать полный отчет, сказала слишком много. В том числе и про то, что считала самыми обычными своими действиями, – например, упомянула тот факт, что регулярно давала ребенку «Калпол»¹², поскольку у него прорезывались зубки. Детективы, а позже пресса и социальные сети начали подозревать, что она ошиблась с дозировкой. Ее обвинили в том, что она случайно убила своего ребенка и пыталась скрыть это. – Максвелл делает паузу, чтобы перевести дыхание. – Теперь понимаете? Она выдала целую повесть, полагая, что помогает им, и вот что из этого вышло. Что-то совершенно невинное само по себе было по косточкам разобрано полицией. Там повернули все так, чтобы ее заявление соответствовало тому, что они хотели видеть, – что она виновна в непредумышленном убийстве. В вашем случае дело может кончиться тем, что Тома обвинят в *умышленном* убийстве, а это куда серьезней. Не вдавайтесь в подробности, Бет. Отвечайте кратко и сжато. К тому же в таком случае легче запомнить, что вы сказали.

Бросаю на него растерянный взгляд.

– Вы что, призываете меня врать?

– Я на это даже не намекаю. – Максвелл качает головой. – Но вам следует быть поаккуратней. Если вы хотите, чтобы Тома выпустили и он вернулся домой, к вам и Поппи, – после того как истекнут все сроки временного содержания под стражей, – то стоит хорошенько подумать о том, что именно говорить полиции.

– Вы что, верите, что Том может иметь к этому какое-то отношение, Максвелл? Вы как раз это пытаетесь до меня донести?

– Ну конечно же, нет! Хотя это не моя работа – верить или не верить... Том поручил моей фирме действовать от его имени. Если дело дойдет до суда...

Мое сердце начинает бешено колотиться.

– Вы сказали, что у них недостаточно доказательств, чтобы даже просто предъявить ему официальное обвинение, а теперь уже говорите о суде! – взрываюсь я, поднимаясь со стула и опираясь руками о стол, когда наклоняюсь через него к Максвеллу. – Да откуда нам знать, что Кэти вообще мертва? Разве ее все еще не ищут?

– Все имеющиеся свидетельства или их отсутствие указывают на то, что Кэти больше нет в живых, Бет. Она в буквальном смысле бесследно исчезла. Поначалу ее друзья решили, что она просто отправилась путешествовать, но, похоже, Кэти общалась с ними только по электронной почте, и они начали подозревать, что письма вовсе не от нее. Она ни разу не воспользовалась кредитной картой, чтобы купить что-либо за границей. Не оставила ни единого следа. Так что, не имея никаких доказательств, что она жива, боюсь, что полиция теперь ищет тело.

– Том не имеет никакого отношения ни к ее исчезновению, ни к ее предполагаемой смерти, Максвелл, – твердо заявляю я. – Вы говорили, что обязательно добьетесь его освобождения.

– Я помню, что говорил, Бет, – вздыхает он. – Удивительно, что такой опытный оперативник, как детектив-инспектор Мэннинг, решил закосить под дурачка, не раскрывая мне всех улик. Боюсь такое сказать, но, по-моему, вид у следственной группы довольно самодовольный. У меня плохое предчувствие, что у них все-таки может иметься достаточно доказательств, чтобы КПС¹³ позволила им выдвинуть обвинение. Они явно что-то скрывают, и поначалу я решил, что исключительно из-за слабости имеющихся улик, но теперь уже не настолько в этом уверен.

¹² «Калпол» – болеутоляющее и жаропонижающее средство в виде сиропа на основе обычного парацетамола.

¹³ КПС (англ. CPS – Crown Prosecutors Service) – Королевская прокурорская служба.

Требуется несколько секунд, чтобы эта информация улеглась в голове, а когда это происходит, чувствую, как у меня подкашиваются ноги. Тяжело сажусь обратно, яростно качая головой.

– Нет, нет, нет!

– Мне очень жаль, Бет. Пока это не более чем *вероятность*, но я хочу, чтобы вы были к этому готовы. Мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы вернуть Тома домой, к вам и Поппи.

Я очень переживаю за Тома, но никак не могу перестать думать о том, как все это скажется на мне. Мне приходит в голову, что если Тому предъявят обвинение, то я стану самым популярным человеком в Лоуэр-Тью.

Жена подозреваемого в убийстве.

Глава 19

Бет

Сейчас

Максвелл был прав. После того как он ушел, буквально в течение часа позвонили из полиции с вопросом, когда мне будет удобней с ними побеседовать. На сегодня мне удалось от них отделаться – сказала, что завтра после обеда меня вполне устроит. Они попросили подъехать к ним в отдел, но после того, как я объяснила, что у меня нет никого, кто сможет забрать Поппи из детского садика, согласились приехать сами. Отсрочка до завтра дает мне время как следует обдумать все, о чем говорил Максвелл, и заготовить свои ответы. Это явно будет нелишним.

Максвелл уже привел примеры вопросов, которые, по его мнению, могут у них возникнуть, и, несмотря на все, что он мне до этого твердил, отвечала я слишком уж сбивчиво и многословно. «Чересчур много воды», – сказал он. Воды, в которой они могут утопить Тома.

А еще, пока они ждут, часики продолжают тикать. Чем меньше у них времени на сбор доказательств, тем больше вероятность того, что следователи не уложатся в девяносто шесть часов, на которых, по словам Максвелла, они будут настаивать, и им придется его освободить.

Я навела порядок на кухне, убрала игрушки Поппи, и теперь, когда уже собираюсь рухнуть на диван и задрать ноги, вдруг опять слышу стук в дверь. Пытаюсь утихомирить паникующий голос в голове, внушающий, что это полиция пытается застать меня врасплох, явившись раньше времени.

«Хотя это и вправду ничуть не исключено».

Вот черт...

Делаю глубокий, прерывистый вдох и открываю дверь, предварительно накинув цепочку. Ожидаю увидеть двух детективов с суровыми лицами, как в понедельник вечером, но на крыльце стоит всего один человек. Я рада, что это не полицейские, но несколько шокирована, увидев вместо них Адама.

– Привет, – произносит он, нерешительно улыбаясь. – Понимаю, что заявился без приглашения, но... В общем, я только что узнал, что Тома арестовали.

Адам прищуривается, словно опасаясь, что на него сейчас накричат.

– Если вы считаете, что это не мое собачье дело, то просто так и скажите. Но если никто не спросил у вас, как вы себя чувствуете или не нужна ли какая-то помощь, то я тут подумал... Может, я... Я хорошо знаю, каково это, когда тебя избегают, помните?

Улыбка у него теперь широкая и открытая, улыбаются и глаза. Добрые, внимательные глаза. Он так и излучает тепло. Настолько, что не могу сдержать слез.

– О нет! Простите! – Адам вытягивает перед собой руки с выставленными ладонями и отступает на шаг, как будто причинил мне физическую боль. – Вообще-то я не хотел расстраивать вас, Бет...

Вид у него совершенно подавленный.

– Нет, нет, всё в порядке, просто день был тяжелый. Вы ничуть меня не расстроили. – Опять прикрываю дверь, чтобы снять цепочку, затем широко распахиваю ее и отступаю в сторону, чтобы дать ему пройти. – Спасибо. Простите, что расклеилась.

– Не о чем извиняться. У меня вот регулярно глаза на мокром месте, – говорит Адам.

Я смеюсь сквозь слезы. И тут же чувствую укол вины, когда понимаю, что он не шутит.

– О, так вы серьезно... Я... Только не подумайте, что я над вами насмехаюсь! У вас определенно есть поводы для слез.

Теперь уже Адам смеется.

– Давайте начнем сначала, – предлагает он. – Я решил заскочить к вам, просто чтобы предложить вам поплакаться мне в жилетку, если у вас возникнет такое желание. Или просто поболтать, поохать-поохать, дать вам выговориться – или что вам там еще хочется в данный момент.

– Думаю, что все вышеперечисленное.

Адам кивает.

– Ну вот и отлично. Тогда я рад, что не тормознул еще на улице перед домом.

– А что, была такая мысль?

– Господи, ну конечно же! Я ведь не слишком хорошо вас знаю. В смысле, человек вы вроде славный. Вчера вы просто замечательно управлялись с Джесс и даже пригласили нас с ней к себе, что было крайне любезно с вашей стороны. Но все равно был риск, что вы оторвете мне башку, учитывая все обстоятельства.

– Да, пожалуй, такая возможность ничуть не исключалась... А теперь могу я предложить вам что-нибудь выпить? Кстати, а где Джесс?

– У меня есть одна замечательная соседка, Констанс, которая иногда с удовольствием помогает мне. Она сейчас у меня, присматривает за Джесс. Я крайне редко оставляю дочь по вечерам, но подумал, что сегодняшней случай из тех, когда это полностью оправданно. И да, я с удовольствием промочил бы горло. У вас есть горячий шоколад?

– Лично я сейчас предпочла бы что-нибудь с высоким содержанием алкоголя, но если вы не против быстрорастворимого... Другого у меня все равно нет. – Вопросительно склоняю голову набок.

– Господи... – Адам качает головой. – Вы наверняка должны счесть меня редкостным занудой из-за этого горячего шоколада... Кому такое вообще в голову придет? Но Джесс его просто обожает, так что я тоже пристрастился. Это лучше, чем прикладываться к бутылке с виски – довольно скользкий путь, когда в одиночку несешь ответственность за трехлетнего ребенка.

– Естественно. Теперь уже я чувствую себя ужасным родителем! Горячий шоколад так горячий шоколад, – говорю я.

Я вовсе не думаю, что он зануда. По-моему, Адам молодец, что воздерживается от выпивки и что Джесс у него во всем на первом месте. Он явно заботливый и ответственный отец.

– Я совсем не хотел намекнуть, что вы плохой родитель, раз уж вам хочется выпить чего-то покрепче, – говорит он, широко раскрыв глаза. – О боже... Меня определенно занесло куда-то не туда.

Адам явно смущен – на шее у него проступают красные пятна. Он трет лицо.

– Эй, Адам! Хватит уже, – говорю я, заходя на кухню. Он тянется следом. – Вы уже здесь. Видите тут кого-нибудь еще? – Размашисто обвожу рукой вокруг себя. – Сегодня в мой дом вломилась полиция – в поисках улики, чтобы осудить моего мужа.

Слышу, как голос у меня на этих словах надламывается, и кашляю, чтобы скрыть это.

Глаза Адама округляются, но я продолжаю говорить, чтобы он не стал развивать эту тему. Не хочу опять расплакаться.

– Оказаться в чьей-то компании, наверное, сейчас для меня самое то, и мне больше не на кого опереться. Не переживайте из-за того, что можете сказать, – я не лучше вас в этом деле, уж поверьте мне. Помните, как тогда в кафе я брякнула то, о чем сразу же пожалела? Вы сказали, что ничего страшного.

Адам кивает и делает глубокий вдох, вроде успокаиваясь после моего шокирующего откровения.

– Да, ничего такого вы и вправду не сказали... Дело не в том, что люди говорят, согласны? Дело в их действиях. Когда кто-то находит время поговорить, готов выслушать... Вот что важно.

– Вот именно. Я такого же мнения. И очень благодарна вам, что все-таки решили заглянуть ко мне. – Нахожу пакетики с растворимым шоколадом и достаю две кружки. Хорошо, что Адам здесь, – я бы уже откупорила бутылку и выпила как минимум пару бокалов, если б была предоставлена самой себе.

– Ладно, тогда я рад, что все-таки добрался до вашей двери.

– Я тоже. Ваше присутствие здесь поможет мне отвлечься от того факта, что завтра мне предстоит разговор с детективами.

– Ничего себе! – Адам поднимает брови. – Сильно... Тогда вполне могу представить ваши чувства, особенно после сегодняшнего обыска. Послушайте, – спохватывается он, – я здесь вовсе не для того, чтобы вынюхивать какие-то пикантные подробности – вы не обязаны мне ничего рассказывать.

– Знаю. Спасибо, Адам. Я вам доверяю.

«Наверное, даже больше доверяю, чем собственному мужу на данный момент».

Глава 20

Бет

Сейчас

Прошлый вечер помог. Адам и вправду оказался хорошим слушателем, как и обещал, и хотя я не стала в полной мере раскрывать все свои чувства на тот момент, – равно как и ужас, который я испытала, пока мой дом переворачивала вверх дном целая толпа посторонних людей, – было все-таки хорошо поделиться некоторыми своими страхами, озвучить их кому-то помимо адвоката. А под конец мы больше говорили о Камилле, чем о Томе. Адам был явно опустошен потерей, особенно учитывая причину, по которой это произошло, – тяжелый анафилактический шок¹⁴. Он сказал, что к своей аллергии на орехи Камилла стала относиться чересчур уж беспечно, поскольку в течение многих лет не испытывала абсолютно никаких проблем, и даже перестала с маниакальным тщанием изучать состав ингредиентов, указанный на упаковках продуктов. Всегда носила с собой «Эпипен»¹⁵, так что никто и помыслить не мог, что может произойти что-то столь непоправимое.

По словам Адама, он постоянно говорит о ней с Джесс, но никому не может открыть то, какие чувства испытывает в самой глубине души – как это повлияло на его жизнь, как ему одиноко. Адам признался мне, что ему очень не хватает общества взрослых и общения, но он не хочет ставить свои потребности выше потребностей Джесс. Бедный Адам... По-моему, он нуждался во мне куда больше, чем я в нем. Хотя, по крайней мере, это отвлекло меня от моей собственной тоскливой ситуации. Адам собирается снова привести Джесс в кафе, сделать такие вылазки более регулярными, чтобы и ее развлечь, и самому пообщаться со взрослыми. Думаю, для него это будет идеальным решением.

Интересно, а что может быть идеальным решением для меня?

Поппи сегодня очень не хотелось расставаться со мной, когда я с утра отвела ее в садик. Наверное, она чувствует мое растущее беспокойство. Увидев вчерашнюю группу мамаш, я быстро перекинулась с ними несколькими словами, стараясь избегать любых упоминаний о полицейском обыске или аресте Тома. Они тоже не затрагивали эту тему, хотя готова поспорить, что про оба события они в курсе и умирают от желания узнать больше. После предстоящей через пару часов беседы с детективом-инспектором Мэннингом и детективом-констеблем Купер у меня должно сложиться более четкое представление о том, к чему все движется. Тогда можно будет готовиться к следующему этапу.

Если все пройдет хорошо, Том может скоро вновь оказаться дома, и мы вернемся к нашей обычной жизни. Так странно думать, что всего пару дней назад все казалось таким счастливым, легким и беззаботным... Как быстро все может измениться! В одно мгновение ваш вроде бы прямой путь может сделать крутой поворот и завести вас туда, куда вы и помыслить не могли.

Жду не дождусь, когда эта беседа с детективами наконец останется позади. По крайней мере, они согласились провести ее у меня дома, а не у себя в отделе, что стало бы для меня дополнительным унижением. Хотя это означает, что соседи могут заметить, как они входят в наш коттедж. Опять.

¹⁴ Анафилактический шок – быстрая аллергическая реакция, представляющая опасность для жизни. Одно из наиболее распространенных проявлений – отек гортани, вызывающий удушье.

¹⁵ «Эпипен» – шприц-ручка для инъекций эпинефрина (адреналина), средство первой помощи при аллергических реакциях.

– Доброе утро, – говорю я, заходя в кафе. Заняты всего два столика, сидящие за ними потягивают кофе и жуют пирожные. Роспись керамики вроде никого не интересует. Посетители, ни в ком из которых я с ходу не узнаю местных жителей, вежливо здороваются в ответ и так внимательно смотрят на меня, когда я прохожу мимо, что у меня начинают шевелиться волоски на затылке.

– Привет, Люси. Все у нас тут сегодня в порядке? – спрашиваю я, влезая в фартук. Та стоит за прилавком, раскладывая по тарелкам свежую выпечку.

– Да. Хотя немного странно...

– А? В каком это смысле странно? – У меня возникает чувство, будто я и без того знаю ответ.

– Клиенты стояли в очереди! Ждали, когда я откроюсь. С чего это им так приспичило? И они не из Лоуэр-Тью. – Люси подозрительно прищуривается.

Так я и думала. Новости уже расползаются – любопытство растет. Туристы. Зеваки. И не думаю, что они здесь из-за местных красот или керамики. Вдруг резко подкатывает дурнота, и я хватаюсь за живот.

– Ну, любой клиент – это деньги в мой карман, – выдавливаю с принужденным смешком.

– Ну да... Просто будем надеяться, что они не станут ходить сюда как в цирк. Местечко у нас тут маленькое, уютное – местным вряд ли захочется, чтобы оно стало известно чем-то помимо своих живописных коттеджей и очаровательного паба, – отвечает она, прежде чем добавить с натянутой улыбкой: – И нашего гончарного кафе, естественно.

– Знаешь, Люси, этого мне тоже меньше всего хочется. – Не могу скрыть обиды в своем голосе. Люси работает у меня уже больше года, и мы всегда хорошо ладили. Очень не хотелось бы, чтобы это повлияло на наши рабочие отношения – я без нее как без рук. – Уверена, что все это скоро останется позади. Сегодня у меня встреча с полицией – надеюсь, это поможет хоть что-то прояснить. Том – хороший человек, – добавляю я, быстро вытирая рукавом непрошеную слезу.

– Ой, прости, Бет! Не хотела показаться бессердечной, особенно после таких плохих известий.

– Выходит, ты в курсе?

Люси обнимает меня и склоняет мне голову на плечо.

– Это деревня, Бет, – говорит она в качестве объяснения. Я вздыхаю, и Люси продолжает: – Мне нравится здесь работать, и мне нравится жить в Лоуэр-Тью. Наверное, иногда я немного перебарщиваю с местечковым патриотизмом.

– Знаю, подруга. И это прекрасно, что ты горой стоишь за родные места – вполне могу понять твои чувства. В конце концов, именно поэтому я и взяла тебя на работу. Все будет хорошо, обещаю.

Это обещание, о котором я сразу же жалею. Откуда мне знать, что все будет хорошо? Нет никакой гарантии, что по истечении срока временного задержания Тома освободят. Ни в чем нельзя быть уверенным.

Хорошенько встряхиваю себя, повторяя в голове одни и те же слова.

«Уверенность есть. Естественно, все будет хорошо».

У полиции не может иметься достаточно доказательств, чтобы предъявить ему обвинение – откуда? Мысли позитивно! Если не появится что-то противоречащее этому, надо постоянно демонстрировать окружающим, что все будет хорошо. На данный момент, ради себя и Поппи, следует исходить из допущения, что Том совершенно невиновен и что нет ни единого шанса, что его сумеют обвинить в столь страшном преступлении.

Правда обязательно восторжествует.

Глава 21

Бет

Сейчас

Последние полчаса сижу, в буквальном смысле слова маясь дурью. Не свожу глаз с часов. В томительном ожидании. Почему они так опаздывают? Потому что долго выбивали в суде разрешение продлить срок содержания Тома под стражей? Дома его нет, а тридцать шесть часов уже истекли, так что могу лишь предположить, что они в этом все-таки преуспели. А может, просто нарочно тянут время, чтобы заставить меня подергаться?

«Дыши!»

Съеденный утром завтрак все еще бурлит в желудке – пищеварение окончательно расстроилось. А если они не поторопятся, я еще и опоздаю забрать Поппи из садика. И без того чувствую себя достаточно виноватой, оставив Люси одну раньше обычного, – не хватало еще до кучи переживать и за ребенка.

«Господи, ну давайте же вы быстрее!»

Тяжелый стук в дверь заставляет меня застыть. Вот оно.

«Соберись, Бет... Все у тебя получится».

Несколько раз сжимаю и разжимаю кулаки, кручу плечами, чтобы расслабить их, делаю несколько глубоких вдохов и спокойно иду к двери.

– Миссис Хардкасл... – приветствует меня детектив-констебль Купер, вздернув подбородок. С трудом слатываю, после чего приглашаю ее войти. Как раз в тот момент, когда я думаю, что мне повезло и что придется иметь дело лишь с одним сотрудником полиции, из-за угла появляется крупная фигура детектива-инспектора Мэннинга, который широко шагает в нашу сторону. Коротко поздоровавшись, он проходит вслед за своей коллегой в дом.

– Помните, наверное, вчера мы уже коротенько пересекались, – говорит она, как будто я могла такое забыть. – Я детектив-констебль Имоджен Купер, работаю с детективом-инспектором Мэннингом. Спасибо, что сумели сегодня уделить нам время.

Замечаю, как глаза ее бегают по всей комнате, фиксируя каждую мелочь. Разве у нее не было такой возможности еще вчера? Или это чисто для показухи? Ее поведение никак не способствует душевному спокойствию.

– Если вы не против пройти на кухню, то у меня там есть свежий кофе, и недавно я испекла печенье.

Запах моего печенья с лимоном, имбирем и белым шоколадом разносится по всему дому. Клиенты обычно от него в полном восторге, так что, надеюсь, детективов это тоже малость смягчит.

– Спасибо, – говорит Купер. Вроде как улавливаю намек на улыбку, но могу и ошибаться. Трудно сказать – выражение ее лица ничуть не изменилось с тех пор, как она вошла в дверь. Похоже, непросто мне с ней придется... Смотрю на инспектора Мэннинга и улыбаюсь. К счастью, он отвечает мне такой же улыбкой, и я позволяю своим разогнавшимся мыслям немного замедлить бег.

Они садятся бок о бок за наш деревенского вида стол, достают блокноты и ручки. Я же стараюсь сосредоточиться на том, чтобы не пролить кофе. Руки у меня дрожат, но ничегошеньки не могу с этим поделать. Конечно, разыгравшиеся нервишки – вполне обычное и ожидаемое дело в такой ситуации, так ведь? Вряд ли они сочтут это чем-то необычным, а мое волнение – подозрительным... Как бы мне ни хотелось растянуть этот момент, отложить неизбежные вопросы, понимаю, что не могу себе этого позволить.

– Держите. Лучшее печенье в «Поппиз плейс», – жизнерадостно объявляю я, ставя две тарелки перед детективами и поворачиваясь, чтобы принести поднос с чашками.

– «Поппиз плейс» – это ваше кафе? – уточняет детектив-констебль Купер.

– Да, это так называемое «гончарное кафе», где вы можете раскрасить любые приглянувшиеся керамические заготовки – тарелки, кружки, всякие фигурки и так далее – и выпить кофе с пирожными, пока этим занимаетесь. Затем ночью их обжигают в специальной печи, и готовые изделия можно забрать уже на следующий день, или же я могу их доставить по указанному адресу. Я открыла это заведение вскоре после того, как мы переехали сюда, и это просто потрясающе. От клиентов просто отбоя нет...

Замолкаю, вдруг осознав, что уже делаю это: болтаю без умолку, хотя на самом-то деле можно было бы просто сказать: «Да, это мое кафе».

Ладно, все нормально. Теперь, когда я переборола свою нервозность, пожалуй, уже смогу отвечать на их вопросы в более телеграфном стиле.

– По-моему... интересное занятие, – говорит инспектор Мэннинг, искоса поглядывая на свою коллегу. Хочу добавить, что каждому свое, но прикусываю язык.

– Ну и как вы справляетесь, миссис Хардкасл, учитывая, что ваш муж находится под стражей? – спрашивает Имоджен Купер, прежде чем пригубить кофе. Чувствую, что это вопрос с подковыркой. Задает она его как бы проходя, без ручки в руке, и наверняка лишь для того, чтобы я решила, будто она просто пытается поддержать беседу. А может, чтобы немного успокоить меня. Или, по крайней мере, чтобы я так подумала.

Лучше бы Максвелл не приходил сюда вчера... Он умудрился так взвинтить меня, что теперь я буду искать подвох даже в самых простых вопросах. Заставляю себя опустить плечи, усилием воли расслабляю мышцы. Отныне я буду делать все по-своему.

– Вообще-то не очень. Сами-то как думаете – это было как гром среди ясного неба! Как обухом по голове, если хотите... До сих пор не могу ничего понять, если честно. Как вы можете думать, что Том причастен к исчезновению этой женщины?

– Мне очень жаль, что все это стало для вас такой неожиданностью, миссис Хардкасл...

– Пожалуйста, зовите меня просто Бет, детектив-констебль Купер. Не то язык можно сломать, – говорю я с улыбкой.

– Бет, я понимаю: вы шокированы тем, что ваш муж оказался за решеткой. Но у нас есть все основания полагать, что он был последним, кто видел Кэти Уильямс, – что, естественно, сразу вызвало к нему наш интерес. Часто бывало так, что последним видел пропавшего человека как раз тот, кто и приложил руку к его исчезновению.

Теперь Купер берет свой блокнот и заносит над ним ручку. Смотрит на инспектора Мэннинга, и тот подается вперед, положив между нами свой мобильный телефон. Похоже, начинается собственно допрос, ради которого они и явились.

Облизываю губы, пытаюсь смочить их, но влаги почти не осталось. Быстро отхлебываю кофе.

– Для протокола: детектив-инспектор Дэвид Мэннинг и детектив-констебль Имоджен Купер снимают предварительные показания с Бетани Хардкасл, проживающей по адресу...

Чувствую, что почти отключаюсь, пока он продолжает наговаривать все эти подробности «для протокола». В ушах у меня шумит – скорее это даже пронзительный визг, который вот-вот ввергнет меня в состояние паники. Я этого никак не ожидала. Одних только ручек и блокнотов было уже вполне достаточно, чтобы нервы у меня завязались узлом.

Наконец Мэннинг начинает обращаться ко мне, а не к телефону. Голос его возвращает меня с края пропасти, и я кое-как беру себя в руки.

– До того, как переехать сюда, вы жили в Лондоне? – спрашивает он, глядя мне прямо в глаза.

– Да, это так. У нас была квартира в Бетнал-Грин. Ну, вообще-то это была квартира Тома – я переехала к нему, а вскоре мы поженились. Когда я забеременела, мы поняли, что в какой-то момент нам придется переехать, поскольку квартира эта была недостаточно большой для семьи с детьми. Но когда родилась Поппи, переезжать было уже не с руки, да и потом, когда я вернулась на работу из декретного отпуска, я получила повышение. В общем, мы задержались еще на некоторое время. Однако через несколько месяцев я поняла, что это совсем не то, чего мне хотелось.

На этом месте прерываю свой рассказ. Во-первых, чтобы перевести дух, а во-вторых, потому что понимаю: это прямо противоположное тому, что мне было велено делать.

«Отвечайте кратко. Ради бога!»

Кладу руки на колени, сцепляю их вместе и до боли стискиваю пальцы. Поджимаю губы, чтобы предотвратить очередной словесный понос.

– Где и когда вы познакомились? – спрашивает Мэннинг, откидываясь на спинку стула, и мне приходит в голову, что он готовится к очередному ответу длиной в роман.

– Это было семь лет назад. Пятого апреля, в субботу. Я отчетливо это помню, поскольку это был мой двадцать пятый день рождения. На уличной террасе «Сэйджер плас Уайлд», я сидела там со своими друзьями.

Улыбнувшись при этом воспоминании, опять замолкаю. Мэннинг поднимает брови и склоняется над столом, чтобы что-то нацарапать в блокноте. Интересно, зачем он утруждает себя этими заметками, если все и так записывается? Для большей весомости? Чтоб еще сильнее выбить меня из колеи?

– Он рассказывал вам о своих предыдущих отношениях с Кэти Уильямс?

– Да, рассказывал – причем прямо в тот вечер, вообще-то говоря. Помню, как Том сказал, что совсем недавно сердце его было разбито и что он никак не ожидал опять встретить кого-то, с кем вдруг мгновенно возникнет незримая связь, как со мной. На самом деле в тот момент это было подано в шуточной манере. Но когда мы начали встречаться и все стало серьезно, Том признался мне, что и вправду был очень расстроен внезапным отъездом Кэти. Он не ожидал, что она вдруг так вот сорвется и уедет куда-то за границу.

– Настолько расстроен, чтобы даже не попытаться помешать ее отъезду? – спрашивает Купер.

Поворачиваюсь и смотрю прямо на нее.

– Нет. Том был искренне убит горем как раз из-за того, что она *уехала*. Бросила его. Он и не смог бы ее остановить. И знаете, после того, как вы тогда вечером сообщили ему о своих подозрениях, будто с ней что-то случилось, Том буквально места себе не находил. Все эти годы он предполагал, что Кэти живет жизнью своей мечты где-то за границей, а вы разрушили эту веру. Может, Том и был последним, кто видел ее в этой стране, насколько вам известно, но наверняка кто-то видел ее и потом?

Оба детектива смотрят в свои блокноты, ничего не отвечая. Могу лишь предположить, что они не нашли никого, кто сказал бы, что видел ее. Так что последним видевшим Кэти для них по-прежнему остается Том. Вот потому-то они и держат его за решеткой. Но если больше у них никого нет, это абсолютно ничего не доказывает. Они не смогут предъявить ему обвинение, это совершенно исключено.

– За те семь лет, что вы знаете Тома, бывали ли случаи, когда он проявлял по отношению к вам агрессию? Или по отношению к вашей дочери?

Качаю головой и вздыхаю. Максвелл говорит, что до этого обязательно дойдет дело, но теперь я потрясена, что они и вправду такое спрашивают.

– Нет. Решительно нет. Том – самый нежный, добрый и любящий человек, какого я только встречала, и он любит Поппи больше собственной жизни, – отвечаю я, добавив после паузы: – Любого спросите.

– Идеальный семьянин, – бормочет Мэннинг.

– Да, именно так! Вот почему все это выглядит таким безумием. Вы зря тратите время, ухватившись за Тома. Где бы ни находилась сейчас Кэти, он этого не знает. Может же она жить такой жизнью, что ее никак не отследить? Покупки только за наличные, никаких мобильных и соцсетей...

Это обнадеживающее предположение. Хочу спросить, почему они вдруг решили, будто с ней произошло что-то плохое, аж через восемь лет после того, как она покинула страну, но полицейские явно не собираются ставить меня в известность. Ладно, пускай задают свои вопросы – нет смысла лишней раз раздражать их, пока они держат моего мужа взаперти.

– Давайте это мы будем выдвигать всякие версии, если вы не против, – категорично говорит инспектор Мэннинг. Бормочу какие-то извинения.

– Как бы вы описали ваши отношения? – продолжает спрашивать он.

– Как просто замечательные, спасибо, – отвечаю я – пожалуй, немного резковато. – Мы по-настоящему счастливы. Мы создали для себя здесь идеальную жизнь.

– Похоже, вы оба очень много работаете, Бет... Наверное, при таком режиме сложно находить время друг для друга, особенно с малышом. Зачастую семейные отношения с трудом удерживаются на какой-то прямой и четкой линии, когда к ним предъявляются требования со всех сторон одновременно.

Говорит это Купер, и сразу ясно, что копает она глубже. Нет уж, я на такое не поведусь! Поскольку никакого вопроса она не задала, храню молчание. Максвелл гордился бы мной. Но Купер вроде понимает, в чем дело, поскольку тут же спрашивает:

– Когда вы полностью поглощены своим новым бизнесом да еще и присматриваете за Поппи, а Том проводит много времени на работе или в командировках, как это сказывается на вас обоих?

Стараюсь не торопиться с ответом, попивая кофе и размышляя. Чувствую, что их глаза выжидающе нацелены на меня.

– Конечно, это неизбежно, что даже в здоровых отношениях случается всякое, да и Поппи вынуждает вносить некоторые корректировки... Но она – это лучшее, что с нами когда-либо случилось, и мы оба ее просто обожаем. Том так просто без ума от нее, – отвечаю я с улыбкой. – Мы научились приспосабливаться, и нам удалось сохранить свежесть нашего брака. Том всегда старается, чтобы по вечерам у нас находилось немного времени «для себя», а по выходным мы прекрасно проводим время все вместе.

По-моему, эта оценка вполне соответствует действительности, плюс-минус.

– Во сколько Том обычно возвращается с работы?

– Около шести вечера – или чуть раньше, если удастся побыстрее уйти из офиса. Ему нравится проводить время с Поппи, рассказывать ей сказки на ночь... Он договорился с банком об особом режиме работы, чтобы иметь для этого возможность.

– Ладно, – произносит детектив-констебль Купер, опуская взгляд и перелистывая страницы своего блокнота. Потом поднимает голову и какое-то время ничего не говорит, продолжая смотреть мне в глаза, губы ее плотно сжаты. Прижимаю рукой свою задержавшуюся ногу под столом.

– Поскольку у вас «идеальные» отношения, – Купер изображает пальцами раздражающие кавычки, – то, я полагаю, вы и делитесь между собой абсолютно всем? В смысле, у вас ведь нет никаких секретов друг от друга?

Вопрос непростой. У абсолютно любой пары есть хоть какие-то секреты, так ведь? Но если я так скажу, она вывернет мой ответ наизнанку и решит, что я солгала насчет того, насколько хорошие у нас отношения.

«Не рискуй».

– Да, мы делимся абсолютно всем.

Так вот, без лишних слов. Моя консультация с Максвеллом приносит свои плоды.

– Значит, вы знаете, почему он так поздно вернулся домой в понедельник вечером? – Ее взгляд не отрывается от моего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.